

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

ПЫШКА
НЕ ДЛЯ
ДРАКОНА

18+

Лиссбет Котцова

Пышка не для Дракона

<https://litres.ru/74548592>

Аннотация

Шесть дней назад влиятельный дракон отказался от своей невесты. Теперь мне предстоит выжить в её теле.

После смерти в своём мире я стала Лиорой Астен, пышной красавицей с опозоренным именем. Её обвиняют в диверсии, унёсшей жизни людей. Доказательствам поверил даже жених, маршал Каэр Вейран. Защищать Лиору он не стал.

Я не знаю её прошлого и не собираюсь добиваться расположения бывшего. Но после покушения становится ясно: кому-то недостаточно разрушенной помолвки и чужого позора. Меня хотят заставить замолчать навсегда.

Чтобы выжить, приходится принять защиту Каэра и искать правду рядом с мужчиной, который до сих пор мне не верит.

Он уже однажды решил, что эта женщина ему не нужна. Теперь я буду выбирать, кому можно доверить свою новую жизнь.

Содержание

Глава 1. Не моё тело	4
Глава 2. Дракон, который отказался	26
Глава 3. Второй раз её хотят убить	59
Глава 4. Я подпишу только это	94
Глава 5. Семь дней с бывшим женихом	124
Глава 6. Графитовое крыло	157
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Глава 1. Не моё тело

Последним был дождь.

Не красивый, не киношный, не тот, под который положено целоваться под фонарём. Обычный августовский ливень, превративший дорогу в серое зеркало.

Я сидела на заднем сиденье такси, смотрела в телефон и мысленно решала, кому завтра первой устроить неприятный разговор: поставщику, который второй раз за неделю привёз не тот объём мяса, или управляющему, который почему-то считал фразу «ну мы же выкрутились» достаточным объяснением любой проблемы.

Потом водитель выругался.

Я подняла голову.

Слева было белое.

Фургон.

Очень близко.

Удар пришёлся в бок.

Мир дёрнулся, смялся, хрустнул стеклом.

А потом исчез.

Когда я снова смогла дышать, дождя не было.

Это я поняла первой.

Второй мыслью стало: в больнице слишком тихо.

Третьей: матрас подо мной был набит чем-то, что точно не закупали ни одна приличная клиника, ни одна страховая

компания и, подозреваю, вообще никто в двадцать первом веке.

Я не открыла глаза сразу.

Не из хитрости. Просто тело категорически возражало против любого движения.

Во рту пересохло. Голова гудела так, будто внутри черепа кто-то неспешно перекачивал металлический шар. Под левым виском ныло. Пальцы казались чужими и непослушными.

Где-то рядом негромко звякнул металл.

– Пульс выравнивается.

Мужской голос.

Незнакомый.

Я замерла.

Я понимала слова.

Только голос говорил не по-русски.

Это было настолько нелепо, что на несколько секунд перекрыло даже вопрос, почему я вообще жива.

Я осторожно приоткрыла глаза.

Белого больничного потолка не оказалось.

Надо мной были светлые каменные своды. Не декоративная плитка под камень, не интерьер частной клиники для людей, которым скучно болеть без исторического антуража. Настоящий камень. В швах темнел раствор.

Слева стояла высокая узкая кровать с аккуратно сложенным бельём. Справа – стол, на котором лежали стеклянные

флаконы, металлические инструменты и стопка плотных листов.

Дверь была одна.

Окно тоже одно, высокое, с частым переплётом.

У двери стоял мужчина с коротким мечом на поясе.

Не охранник из больницы.

Меч был настоящий.

Я снова закрыла глаза.

Отлично.

Либо я получила настолько серьёзную черепно-мозговую травму, что мой мозг решил перед смертью устроить себе дорогостоящую историческую реконструкцию, либо проблема была несколько крупнее.

Я пошевелила правой рукой.

Пальцы слушались.

Провела ими по простыне. Ткань грубее привычного хлопка.

По животу.

Остановилась.

Нет.

Я медленно провела ладонью выше.

И ещё раз.

Грудь была не моя.

Не в смысле «после аварии отекала». Такое объяснение я бы с радостью приняла.

Она была другой.

Полнее.

Тяжелее.

Под тонкой рубашкой ощущалось мягкое тело, совершенно не совпадавшее с памятью о моём собственном.

Я резко отдёргнула руку.

На этот раз открыла глаза полностью.

– Не двигайтесь.

Над кроватью появился мужчина лет пятидесяти с узким лицом и седыми прядями у висков. На нём был серый длинный халат, перехваченный поясом. Пальцы лежали на моём запястье.

Я посмотрела на них.

Потом на него.

Потом на дверь.

Охранник не изменил позы.

– Уберите руку.

Седой мужчина застыл.

Всего на мгновение.

Но я это заметила.

– Лиора?

Я не ответила.

Он медленно убрал пальцы.

– Вы меня слышите?

Слышала.

Понимала.

Почему именно понимала, выясним позже, если это самое

«позже» у меня вообще имелось.

Сначала базовые вещи.

Где я.

Кто эти люди.

Почему вооружённый мужчина сторожит больничную палату.

И почему меня называли Лиорой.

– Где я?

Седой посмотрел через плечо.

Не на охранника.

На кого-то, кого я до этого не заметила.

У стены стоял ещё один мужчина.

Старше меня, наверное, лет на десять. Невысокий, сухощавый, в тёмном сюртуке без украшений. В руках он держал несколько листов и смотрел на меня без тревоги врача или любопытства случайного свидетеля.

Так смотрят на человека, от которого ждут ответ.

Причём ответ важный.

– Вы знаете своё имя? – спросил он.

Я не любила, когда на вопрос отвечали вопросом.

Особенно если я лежала в чужом месте, в чужом теле и под вооружённой охраной.

– Сначала вы ответьте на мой.

Его брови едва заметно сошлись.

Седой мужчина тихо произнёс:

– Возможно, последствия для узора оказались серьёзнее,

чем мы предполагали.

Узора.

Новое слово.

Я понимала его обычный смысл, но в этой фразе он явно означал что-то другое.

Запомнила.

Мужчина с бумагами подошёл ближе.

– Вы находитесь в лечебном крыле судебного комплекса
Тейрана.

Судебного.

Вот это слово мне не понравилось больше остальных.

– Почему?

Он выдержал короткую паузу.

– Вы находились здесь на обследовании.

Очень аккуратный ответ.

Почти образцовый.

Правдивый ровно настолько, чтобы ничего не объяснить.

– А человек с мечом тоже часть медицинской процедуры?

Охранник у двери посмотрел на меня чуть внимательнее.

Мужчина с бумагами не улыбнулся.

– Нет.

– Уже прогресс.

Голос прозвучал странно.

Я замолчала.

Он был моим и не моим одновременно.

Выше, чем я помнила. Мягче. С лёгкой хрипотцой после

долгого молчания.

Я подняла руку к горлу.

Кисть была тоже чужая.

Узкая ладонь, длинные пальцы, светлая кожа. На внутренней стороне запястья виднелась едва заметная родинка, которой у меня никогда не было.

Стало холодно.

Я заставила себя не отдёргивать руку, будто от неё можно было избавиться.

– Зеркало.

Седой мужчина нахмурился.

– Вам не следует вставать.

– Я не просила разрешения вставать. Я попросила зеркало.

На этот раз мужчина с бумагами посмотрел на меня особенно внимательно.

Будто моя фраза содержала что-то неправильное.

Не грубое.

Именно неправильное.

Мне это совсем не понравилось.

– Принесите, – сказал он седому.

Тот не двинулся.

– Дознаватель Ранн, я бы предпочёл сначала закончить осмотр.

Имя.

Ранн.

Дознаватель.

Ещё лучше.

Я повернула голову к мужчине с бумагами.

– Значит, вы следователь?

Он не стал поправлять незнакомое ему слово. Либо понял по смыслу.

– Старший королевский дознаватель Северт Ранн.

Прекрасно.

Судебное крыло.

Охрана.

Королевский дознаватель.

Мне оставалось узнать, что обвинение связано с массовым убийством, и день можно было считать окончательно испорченным.

– А я?

Северт Ранн смотрел на меня несколько секунд.

– Что именно вы хотите узнать?

– Начните с имени.

Что-то изменилось в комнате.

Охранник у двери едва заметно выпрямился.

Седой мужчина перестал перекладывать стеклянный флакон.

А Северт Ранн спросил:

– Вы действительно не помните?

Правильный ответ был очевиден.

«Меня зовут Вера Соколова, мне тридцать шесть лет, вче-

ра я ругалась из-за поставки мяса, потом ехала домой в такси, и в нашу машину врезался белый фургон».

И что дальше?

Рассчитывать, что вооружённые люди в странном судебном комплексе пожмут плечами и вызовут психиатра?

Я не знала здешних правил.

Не знала, что они делали с сумасшедшими.

Не знала даже, считали ли они потерю памяти болезнью или удобным основанием запереть человека лучше.

Поэтому я сказала правду только наполовину.

– Нет.

Седой врач тихо выдохнул.

А я внимательно смотрела на Ранна.

Он не обрадовался.

Но и не выглядел так, будто поймал меня на лжи.

– Вас зовут Лиора Астен.

Имя легло в сознание совершенно чужим.

Никакого узнавания.

Ни лица.

Ни голоса.

Ни вспышки воспоминания.

Ничего.

Лиора Астен.

Женщина, чью руку я сейчас держала перед глазами.

Я сжала пальцы.

Они сжались.

Моя команда.

Чужая рука.

На несколько секунд стало трудно дышать.

Я посмотрела под одеяло.

Контуры тела были другими. Более пышными. Талия ощущалась иначе, бёдра занимали больше места на узкой кровати. Волосы, когда я повернула голову, тяжёлой волной скользнули по плечу почти до груди.

Мои волосы заканчивались выше плеч.

Эти были густыми и длинными.

Я всё-таки села.

Мир качнулся.

Седой мужчина шагнул ко мне.

– Леди Астен, вам нельзя...

– Не трогайте.

Он остановился.

Сразу.

Я упёрлась ладонями в матрас и дождалась, пока комната перестанет плавать.

Четыре человека.

Седой врач.

Северт Ранн.

Охранник.

И ещё кто-то за дверью, судя по тени, которая периодически пересекала щель у порога.

Окно высокое. Если второй этаж или выше, не выход.

Дверь одна.

Оружие у двоих, если считать человека в коридоре.

Состояние тела неизвестно.

Денег нет.

Документов нет.

Союзников нет.

Уровень стартовых условий можно было оценить как «отвратительный».

Зато я была жива.

Или достаточно близка к этому состоянию, чтобы возражать.

– Почему я под охраной?

Ранн сложил бумаги.

– Этот разговор лучше отложить.

– Для кого?

Седой мужчина снова бросил на него взгляд.

Я поймала.

Они оба чего-то не хотели мне говорить.

Именно сейчас.

– Для вас, – сказал Ранн.

– Если плохая новость уже случилась, задержка не сделает её лучше.

Это я знала по работе.

Если холодильная камера сломалась ночью, можно было не сообщать руководителю до утра. Продукты от этого свежее не становились.

Ранн, конечно, не мог знать про холодильные камеры.
Но логику понял.

– Вы находитесь под следствием.

Я ожидала чего-то подобного.

И всё равно внутри неприятно провалилось.

– За что?

– Сейчас вам необходимо восстановиться.

– За что?

Он посмотрел на врача.

Тот едва заметно покачал головой.

Это начало раздражать.

– Господин Ранн, я лежу под охраной в судебном здании, не знаю собственного лица, а вы обсуждаете при мне, какую часть моей жизни мне можно сообщить. Я не прошу пересказать историю королевства. Я спрашиваю, в чём меня обвиняют.

Несколько секунд он молчал.

– В причастности к диверсии против оборонительной системы Северного рубежа.

Я моргнула.

Слова были понятны по отдельности.

Вместе становились хуже.

– Кто-нибудь пострадал?

Северт Ранн ответил не сразу.

Вот тогда я поняла, что да.

– Трое погибли.

В комнате стало слишком тихо.

Трое.

Не цифра в отчёте.

Трое людей.

Я посмотрела на свои чужие руки.

Женщина, которой они принадлежали, могла быть убийцей.

Или диверсанткой.

Или кем-то ещё, для кого трое погибших были допустимой ценой.

Я ничего о ней не знала.

Кроме имени.

Лиора Астен.

Мне вдруг захотелось снова лечь и закрыть глаза.

Не для сна.

Чтобы вернуть тот момент, когда главной проблемой казался поставщик, который привёз не тот объём мяса.

Я могла позвонить ему.

Могла открыть таблицу.

Могла написать претензию.

Могла вызвать другое такси.

Я могла позвонить маме в воскресенье, как обещала.

Воскресенье.

Телефон лежал у меня в руке перед аварией.

Может быть, он остался там, в искорёженной машине.

И я осталась там же.

Нет.

Не сейчас.

Если позволить себе додумать эту мысль до конца, я развалюсь прямо перед тремя незнакомыми мужчинами.

А мне пока даже неизвестно, кто из них опаснее.

Я подняла взгляд.

– Я призналась?

Ранн слегка прищурился.

– Нет.

– Есть приговор?

– Нет.

Это уже что-то.

Маленькое, жалкое, но что-то.

– Тогда почему охрана?

– Ваше состояние не отменяет расследование.

– Я не спрашивала, почему меня не отпускают. Я спросила, почему в лечебной комнате стоит вооружённый человек.

Ранн промолчал чуть дольше, чем требовал простой вопрос.

Значит, ответ отличался от «чтобы вы не убежали».

– Это всё, – произнёс седой мужчина. – Ей нужен покой.

– Мне нужен...

Дверь открылась.

Я замолчала.

Вошедшего я сначала оценила так же, как остальных.

Пустые руки.

Оружие на поясе.

Высокий.

Широкие плечи.

Двигается спокойно, без суеты.

Не врач.

Не слуга.

По тому, как охранник у двери немедленно вытянулся, человек с более высоким статусом, чем присутствующие военные.

Тёмные волосы.

Резкие взрослые черты.

Шрам, уходящий от виска в волосы.

Смотрит прямо.

И очень внимательно.

Только после этого я заметила, что мужчина красив.

Это было почти досадно.

При моём текущем положении привлекательность незнакомых мужчин находилась где-то между качеством местного вина и курсом здешней валюты.

Информация на будущее.

Не приоритет.

Он остановился в нескольких шагах от кровати.

Ни приветствия.

Ни удивления.

Только взгляд.

Станный.

Не так смотрят на больного.

И не так на подозреваемого.

Он будто сравнивал меня с кем-то невидимым.

Я выдержала.

– Если вы собираетесь спросить, помню ли я вас, сэконо-
мим время. Нет.

Седой врач тихо втянул воздух.

Северт Ранн повернул голову к вошедшему.

Мужчина не двинулся.

Только взгляд стал жёстче.

– Вы помните Ранна?

Голос был низким и спокойным.

– Нет.

– И Тейран?

– Нет.

– Дом Астен?

– Нет.

Вопросы были слишком точными.

Он не пытался помочь мне вспомнить.

Он проверял.

– Моё имя? – спросил он.

– Вы пока его не называли.

В его лице что-то едва заметно изменилось.

Вот теперь я была уверена: я отвечала не так, как должна
была отвечать Лиора.

– Каэр Вейран, – сказал Северт.

Имя ничего мне не дало.

А вот титул дал охранник, когда вошедший сделал ещё шаг.

– Лорд Вейран...

В голосе было предупреждение.

Каэр остановился.

Не потому, что испугался.

Потому что решил остановиться.

Я запомнила и это.

– Лорд, – повторила я. – Значит, вы тоже имеете отношение к расследованию?

Северт Ранн посмотрел на меня так, будто выбирал формулировку.

Каэр ответил сам:

– Имею.

– Какое?

– Достаточное.

Я почти улыбнулась.

– Исчерпывающе.

Он продолжал смотреть на меня.

Я начинала понимать, почему люди, вероятно, предпочитали не шутить с этим мужчиной.

Но угрозы в его лице я пока не видела.

Хуже.

Я видела уверенность человека, привыкшего располагать большим количеством информации, чем собеседник.

Сейчас это особенно раздражало.

– Лиора, – сказал он.

Я не отозвалась.

Не специально.

Имя просто не было моим.

Пауза стала заметной.

– Лиора, – повторил он медленнее.

– Если вы хотите, чтобы я реагировала быстрее, придётся
дать мне время привыкнуть.

Врач отвернулся к столику.

Охранник очень старательно смотрел прямо перед собой.

Каэр не улыбнулся.

– Вы действительно ничего не помните?

– Я уже ответила на этот вопрос.

– Ранну.

– Ответ от этого не изменился.

Он опустил взгляд на мои руки.

Я тоже посмотрела.

Я сжимала край простыни так сильно, что побелели ко-
стяшки.

Разжала пальцы.

– Достаточно, – вмешался Северт. – Продолжим после
осмотра.

Каэр не сводил с меня глаз.

И я вдруг спросила:

– Почему вы называете меня просто по имени?

В комнате снова что-то изменилось.

Такое молчание дорого стоило.

Я уже знала достаточно, чтобы это понимать.

Северт Ранн медленно сложил бумаги.

– Потому что лорд Вейран был вашим женихом.

Я перевела взгляд на Каэра.

Он не отрицал.

Женихом.

Чужое тело.

Обвинение в диверсии.

Трое погибших.

И мужчина, который стоял передо мной так, словно имел право знать каждую мою мысль.

– Был?

На этот раз ответил Каэр.

– Был.

Одно слово.

Без оправдания.

Без сожаления.

– Помолвка расторгнута, – добавил Северт.

Я посмотрела на него.

– Когда?

– После предъявленных вам обвинений.

Понятно.

Не муж.

Не нынешний жених.

Бывший.

Причём расстались они не потому, что не сошлись характерами.

Каэр Вейран отказался от Лиоры, когда её обвинили в гибели людей.

Я снова посмотрела на него.

Его лицо оставалось спокойным.

Но теперь в этом спокойствии появилось что-то ещё.

Настороженность.

Он первым понял, что я слишком долго его рассматриваю.

– Что? – спросил Каэр.

Я могла сказать правду.

«Я пытаюсь понять, каким человеком нужно быть, чтобы отказаться от женщины после обвинения и потом прийти смотреть, как она приходит в себя».

Но это была оценка без данных.

А я и без того сегодня оказалась в жизни женщины, которую, похоже, уже однажды оценили раньше окончательного решения.

Поэтому спросила другое:

– Вы были здесь, когда я потеряла сознание?

На мгновение взгляд седого врача метнулся к Каэру.

Очень быстро.

Но достаточно.

Каэр заметил тоже.

– Нет, – ответил он.

Я повернулась к врачу.

– А вы?

Мужчина побледнел.

Совсем немного.

– Я проводил обследование.

– Как вас зовут?

Он промедлил.

– Илар Весс.

Я повторила имя про себя.

Илар Весс.

Первый человек, которого я увидела после того, как умерла.

Если, конечно, умерла.

Он отвёл взгляд раньше меня.

А Каэр Вейран не отвёл.

– Вам нужен покой, – произнёс Северт.

– Мне нужны ответы.

– Завтра.

Завтра.

Значит, они рассчитывали, что оно у меня будет.

Уже неплохо.

Я медленно легла обратно.

Не потому, что послушалась.

Потому что ноги пока дрожали даже от мысли встать.

– Хорошо, – сказала я. – Завтра.

Северт направился к двери.

Илар поспешил заняться флаконами.

Каэр остался.

– Лорд Вейран, – негромко произнёс дознаватель.

Тот всё-таки двинулся к выходу.

У самой двери остановился.

Обернулся.

– Лиора.

На этот раз я заставила себя посмотреть на него сразу.

– Да?

Он несколько секунд молчал.

– Вы можете не помнить меня.

Голос оставался спокойным.

– Но я слишком хорошо помню вас.

Глава 2. Дракон, который отказался

Зеркало принесли утром.

Я обнаружила его на столе, когда проснулась во второй раз.

Высокое, овальное, в тяжёлой тёмной раме. Поставлено боком к кровати, будто человек, который его принёс, решил дать мне право самой выбрать момент знакомства с собственным лицом.

Я минут пять этим правом не пользовалась.

Смотрела в потолок.

Считала вдохи.

Прислушивалась к коридору.

За дверью по-прежнему находилась охрана. Теперь я различала двух человек: один иногда проходил мимо, другой почти не двигался.

Значит, Северт Ранн вчера говорил правду.

Я действительно была под следствием.

За диверсию.

С тремя погибшими.

И где-то здесь ходил бывший жених женщины, чьё тело я получила неизвестно каким способом.

Утро определённо проигрывало любому понедельнику

моей прошлой жизни.

Я поднялась.

Голова отозвалась тупой болью, но комната больше не пыталась перевернуться.

На стуле лежала одежда. Простое длинное платье из мягкой серой ткани, нижняя рубашка, чулки. Никаких застёжек, принцип которых невозможно понять человеку с высшим образованием и двадцать первым веком за плечами.

Уже неплохо.

Я села на край кровати и посмотрела на босые ноги.

Не мои.

Ступни чуть меньше. Щиколотки тоньше. Икры плотные, сильные.

Странно, насколько быстро мозг принимал невозможное, когда невозможное не оставляло альтернатив.

Можно было часами убеждать себя, что всё это сон.

Только во сне обычно не болит шея от неудобной подушки и не хочется в туалет.

Я встала.

Добралась до зеркала.

И наконец посмотрела.

Женщина в отражении была красивой.

Это пришло раньше ужаса.

Не «красивой, если похудеть». Не «с интересным лицом». Просто красивой.

Тёмные густые волосы рассыпались по плечам. Светлая

кожа. Мягко очерченный рот. Большие глаза, цвет которых при утреннем свете казался серо-зелёным. Лицо не кукольное, не идеально правильное, зато живое.

И совершенно незнакомое.

Я подняла руку.

Она тоже.

Коснулась щеки.

Отражение повторило.

– Лиора Астен, – тихо сказала я.

Чужой голос произнёс чужое имя.

Никакого чуда.

Никакой вспышки.

Я не вспомнила детство Лиоры, её родителей, первого поцелуя или любимого блюда.

Только увидела, что у женщины в зеркале дрогнули губы.

Пришлось опереться ладонью о стол.

Не потому, что тело оказалось хуже моего.

В этом и была проблема.

Оно было нормальным.

Тёплым.

Живым.

У него имелись привычные движения, сила в ногах, лёгкая сухость кожи на пальцах, маленькая родинка возле запястья.

В нём кто-то прожил двадцать восемь лет.

А теперь здесь была я.

Я не знала, где Лиора.

Не знала, существовала ли она вообще после того, как я открыла глаза.

Не знала даже, что произошло со мной.

Фургон.

Белый бок.

Стекло.

Мама, которой я обещала позвонить в воскресенье.

Я резко отвернулась от зеркала.

Не сейчас.

Это правило начинало становиться главным.

Не сейчас.

Сначала выжить.

Потом разваливаться на части.

Если останется время.

Я оделась сама.

Платье сидело по непривычной фигуре иначе, чем любая моя одежда. Грудь требовала нового понимания расстояний, округлые бёдра меняли движение ткани, талия ощущалась выше привычного. Пришлось дважды поправлять пояс.

Но никаких мыслей о том, что тело необходимо срочно переделать, у меня не появилось.

Переделывать требовалось моё положение.

С ним всё выглядело значительно хуже.

В дверь постучали.

Я едва не рассмеялась.

Хотя бы здесь люди признавали существование дверей и личного пространства.

– Войдите.

Первым появился Северт Ранн.

Сегодня на нём был такой же тёмный строгий сюртук, словно мужчина имел запас одинаковой одежды на каждый день недели.

За ним вошёл Каэр.

Я невольно задержала взгляд.

Тоже тёмная одежда, но совсем другого кроя. Более плотная ткань, высокие сапоги, перевязь с оружием. Никаких украшений, кроме серебристой застёжки у воротника.

Лицо спокойное.

Глаза внимательные.

Вчера он сказал:

«Я слишком хорошо помню вас».

Я тоже запомнила.

– Доброе утро, – сказал Северт.

– Насколько оно может быть добрым под охраной.

– Судя по вашему состоянию, значительно лучше предыдущего.

Сухой человек.

Мне начинало нравиться.

Совсем немного.

– Садитесь, леди Астен.

Я посмотрела на два кресла возле стола.

– Я предпочитаю Веру.

Тишина продлилась ровно столько, чтобы я поняла: рано.

Северт решил, что я оговорила.

Каэр нет.

– Что? – спросил дознаватель.

– Ничего. Забудьте.

Каэр смотрел слишком пристально.

Я села.

Он остался стоять.

– Если лорд Вейран здесь как мой бывший жених, – сказала я, – я предпочла бы разговаривать без него.

Северт перевёл взгляд на Каэра.

Тот ответил раньше него:

– Я здесь не как ваш бывший жених.

– Уже легче. А как кто?

– Как человек, отвечающий за территорию, против обороны которой была совершена диверсия.

Вот теперь многое встало на место.

– Вы военный?

– Маршал Северного рубежа.

Конечно.

Бывший жених оказался не просто влиятельным женщиной, а человеком, по территории которого ударила диверсия.

И женщина с моим нынешним лицом считалась к ней причастной.

Я посмотрела на Северта.

- Он имеет официальный статус в моём деле?
- Свидетель. Заинтересованная сторона в части ущерба.

Глава дома, чьи защитные структуры подверглись диверсии.

- Но не судья?
- Нет.
- Может приказать меня арестовать?
- Не в рамках этого дела.
- Освободить?
- Тоже нет.
- Конфисковать моё имущество?

В глазах Каэра появилось нечто похожее на удивление.

Наконец-то.

Видимо, прежняя Лиора после пробуждения должна была спросить что-нибудь другое.

Например, любит ли он её ещё.

Сочувствую.

У меня имелись более насущные проблемы.

- Нет, – сказал Северт. – Не по собственному решению.
- У меня вообще есть имущество?
- Есть.
- Деньги?
- Есть.
- Я могу ими пользоваться?
- Частью.

Вот здесь начиналось самое интересное.

- Почему частью?

– Некоторые средства и активы временно ограничены, поскольку проверяется их возможная связь с делом.

– А остальными?

– Можете распоряжаться в пределах установленных судом ограничений.

Я кивнула.

– Где я могу жить?

Теперь Северт смотрел на меня почти так же внимательно, как Каэр.

– После завершения медицинского наблюдения вы могли бы вернуться в городской дом Астенов.

– Могла бы?

– Если глава вашего дома согласится принять вас.

Я помолчала.

– Глава дома Астен мне кто?

– Ваш отец.

Замечательно.

У меня появился отец.

Ещё один совершенно незнакомый человек, который, судя по формулировке «если согласится», не спешил забирать дочь из судебного комплекса.

Я не стала спрашивать почему.

Пока.

– Другие варианты?

– Частное жильё с зарегистрированным адресом и соблюдением условий надзора.

– То есть я не заключённая?

– Нет.

– Могу выйти из здания?

– С разрешения.

– Покинуть город?

– Нет.

– Почему?

– До завершения расследования вы не имеете права покидать определённую судом территорию без отдельного разрешения или законного гаранта.

Я откинулась на спинку кресла.

Вот теперь картина стала яснее.

Не тюрьма.

Но и не свобода.

Очень вежливая клетка, у которой существовала юридическая инструкция.

– Срок?

– Пока не завершится текущий этап следствия.

– Это неделя?

– Не могу обещать.

– Месяц?

– Тоже.

– Полгода?

– Возможно.

Прекрасно.

Я медленно выдохнула.

Каэр всё ещё стоял у окна.

– Почему вы спрашиваете о деньгах? – спросил он.

Я повернула голову.

– Потому что свобода без денег имеет довольно теоретический характер.

На этот раз я совершенно точно заметила перемену в его лице.

Не улыбку.

Скорее короткое внутреннее удивление.

– Раньше вас это занимало меньше.

Вот оно.

Первое настоящее сравнение.

Я пожала плечами.

– Видимо, вчера многое изменилось.

– Вчера?

Ошибка.

Я почувствовала её сразу.

Для него «вчера» означало не фургон, боль и пробуждение.

Для Каэра вчера Лиора уже находилась здесь.

Я спокойно добавила:

– После того как я очнулась.

Он ничего не сказал.

Но не поверил.

Это было видно.

Северт разложил перед собой бумаги.

– Я должен задать вам несколько вопросов.

– Вы уже предупреждали.

– Если вы действительно ничего не помните, это будет отражено в протоколе. Но мне необходимо проверить пределы вашей памяти.

– Проверяйте.

Он взял верхний лист.

– Вы помните Вейрхольм?

– Нет.

– Северный рубеж?

– Только то, что лорд Вейран его маршал.

– Дом Вейран?

– Нет.

– Дом Астен?

– Нет.

– Арлена Астена?

– Полагаю, отец.

– Риана Астена?

Ноль.

– Нет.

На секунду мне показалось, что Каэр нахмурился.

Имя было важным.

Я сохранила его.

– Санну Рель?

– Нет.

Ещё имя.

– Защитный контур Вейрхольма?

– Понятия не имею, что это.

Ручка Северта остановилась над бумагой.

– Совсем?

– Совсем.

Каэр заговорил:

– Вы знаете, что такое защитный контур.

Я повернулась к нему.

– Тогда объясните.

– Лиора знала.

– Возможно.

– Вы учились распознавать магические структуры.

Я несколько секунд просто смотрела на него.

Магические.

Язык вчера уже был проблемой.

Дракон в названии его рода я пока считала фигурой речи или чем-то вроде геральдики.

Но магические структуры прозвучали настолько буднично, что мой мозг перестал искать нормальное объяснение.

– Простите, – сказала я. – Вы сейчас употребили слово «магические» буквально?

Северт отложил перо.

Каэр не шевельнулся.

– А как ещё?

Хороший вопрос.

Неудобный.

– Не знаю. Поэтому спрашиваю.

Он смотрел на меня так, будто я только что поинтересовалась, существует ли вода.

– Лиора.

– Я серьёзно.

– Я вижу.

И вот эта спокойная фраза напугала меня сильнее любых театральных восклицаний.

Я оглянулась на комнату.

Камень.

Стеклянные флаконы.

Никакого электрического света.

Меч у двери.

Незнакомый язык, который я понимала.

Слово «узор».

Илар, проводивший какое-то обследование.

Я медленно перевела взгляд обратно на Каэра.

– Вы сказали вчера, что слишком хорошо меня помните.

– Да.

– Тогда скажите. Лиора верила в магию?

– Вера здесь ни при чём.

Он выделил моё имя случайно.

Я замерла.

Нет.

Не имя.

Он сказал «вера» как обычное слово.

Конечно.

Я почти рассмеялась от напряжения.

– Я спросила, считала ли Лиора магию реальной.

– Магия реальна независимо от того, считает ли её реальной Лиора.

У меня закончились возражения.

Ненадолго.

– А драконы?

Каэр слегка прищурился.

– Что драконы?

– Они тоже реальны?

Северт посмотрел на него.

И мне сразу не понравился этот взгляд.

Каэр медленно подошёл ближе.

Остановился по другую сторону стола.

– Да.

Я сглотнула.

– В каком смысле?

– В обычном.

– Для меня сейчас почти ничего обычного не осталось.

Пауза.

– Я дракон, – сказал он.

Я посмотрела на мужчину перед собой.

На руки.

На лицо.

На совершенно человеческое тело.

Потом снова ему в глаза.

– Вы издеваетесь?

– Нет.

– Можете превратиться в огромную летающую рептилию?

Бровь Северта дёрнулась.

Каэр же ответил спокойно:

– Формулировка спорная. Суть верная.

Я закрыла лицо ладонями.

Всего на несколько секунд.

Потому что человеческая психика тоже имеет предел производительности.

За одни сутки я умерла.

Оказалась в чужом теле.

Узнала, что меня подозревают в диверсии.

Обнаружила нового отца.

И теперь мой бывший жених был драконом.

Причём почему-то именно последний пункт окончательно убедил меня:

я не в больнице после аварии.

Я действительно где-то ещё.

Я опустила руки.

– Хорошо.

Северт моргнул.

– Хорошо?

– Нет. Ужасно. Но если я начну реагировать отдельно на каждую невозможную вещь, мы закончим примерно через

месяц.

Мне показалось, в глазах Каэра мелькнуло что-то тёплое.

Исчезло прежде, чем я успела решить, действительно ли увидела.

– Продолжим, – сказала я.

Северт посмотрел на Каэра, потом снова на бумаги.

– За четырнадцать дней до вашего нынешнего состояния произошёл сбой одного из защитных узлов Вейрхольма.

– Тот самый, где погибли трое?

– Да.

Я выпрямилась.

Вот мы и пришли к главному.

– Что, по вашей версии, сделала Лиора?

Северт не поправил меня.

Возможно, решил списать странную формулировку на травму.

Каэр заметил.

Конечно заметил.

– Речь пока не о версии, – сказал дознаватель. – Я перечислю установленные факты.

Именно так.

Факты отдельно.

Выводы отдельно.

Это мне нравилось.

– Хорошо.

– За несколько недель до диверсии вы без разрешения во-

шли в служебный архив, содержащий закрытые сведения об обслуживании защитных структур.

Я молчала.

– Доступ туда был вам запрещён.

– Как я попала внутрь?

– Воспользовались возможностью, которую давало положение будущей супруги главы Вейранов.

Я посмотрела на Каэра.

Его лицо осталось неподвижным.

– То есть использовала будущую помолвку, чтобы пролезть туда, куда не имела права.

– Грубо говоря, – ответил Северт, – да.

Неприятно.

Но ещё не диверсия.

– Дальше.

– Вы сделали копии закрытых записей.

– Каких?

– Номера поставок, сроки обслуживания, перечни некоторых материалов.

Внутри что-то собралось в холодный узел.

Слишком знакомая логика.

Поставки.

Материалы.

Учёт.

Я отогнала мысль.

Совпадение профессий ещё ничего не значило.

– Дальше.

– Один контрольный элемент из партии магических проводников был изъят.

– Мной?

– Он был обнаружен среди ваших вещей.

– Это не ответ.

Северт посмотрел на меня.

– Вы признали, что взяли его.

Вот уже хуже.

– Зачем?

– Объяснить отказались.

Я машинально постучала пальцем по подлокотнику.

Каэр следил за движением.

– Ещё.

– Ваш магический след был обнаружен на элементе защитной системы, который позднее оказался повреждён.

Я почувствовала, как спина стала жёсткой.

– След можно оставить случайно?

– Можно оставить прикосновением при использовании дара, – ответил Северт. – Но вы не должны были иметь доступа к этому элементу.

Дар.

Мой.

Лиоры.

Не сейчас.

– Ещё.

Северт перевернул лист.

– В ваших личных вещах нашли тихую соль.

– Что это?

Теперь молчание было совсем другим.

Каэр смотрел на меня уже без малейшей попытки скрыть недоверие.

Северт ответил:

– Регулируемый алхимический состав. В малых дозах используется в медицине для подавления опасной активности магического узора.

– А в больших?

– Способен ослаблять магию.

Каэр добавил:

– И сердечное пламя дракона.

Я перевела взгляд на него.

– Что такое сердечное пламя?

Он не ответил сразу.

– Основа нашей врождённой силы. В том числе обращения.

То есть у женщины, обвинённой в саботаже драконьей обороны, нашли вещество, способное лишать драконов силы.

Картина становилась всё менее приятной.

– Сколько соли?

– Больше, чем вам требовалось бы для личного медицинского применения.

– Она была назначена мне врачом?

– Нет.

– Я объяснила, откуда взяла?

– Частично.

Это слово я ненавидела ещё в прошлой жизни.

«Поставка выполнена частично».

«Деньги перечислены частично».

«Сотрудник частично соблюдает инструкции».

Обычно оно означало, что кто-то хочет красиво оформить проблему.

– Что значит частично?

Северт посмотрел в бумаги.

– Вы заявили, что получили небольшой законный образец для магической проверки.

– А остальное?

– Отрицали, что оно ваше.

Я медленно кивнула.

– Уже лучше.

Каэр резко поднял взгляд.

– Лучше?

– Если бы она признала и это, обвинение выглядело бы ещё хуже.

– Вы говорите о себе в третьем лице.

Опасно.

Я посмотрела прямо на него.

– Я не помню, как это делала. Для меня сейчас речь идёт о

поступках женщины, к которым у меня нет доступа в памяти.

Не ложь.

И недостаточно правды, чтобы меня объявили сумасшедшей.

Каэр принял ответ без видимого удовлетворения.

Северт продолжил:

– Существовало также распоряжение дома Астен о перенаправлении одной из спорных партий.

– Подписанное мной?

– С вашим семейным знаком и оформлением, которым пользовались при торговых операциях Астенов.

– Моей подписью?

– Не в обычном значении. В подобных документах используется другой порядок удостоверения.

Я запомнила.

Потом разберусь.

Если будет потом.

– И последнее, – сказал Северт.

Почему-то я сразу поняла, что последнее окажется хуже всего.

Он не смотрел в бумаги.

Смотрел на меня.

– Когда лорд Вейран спросил вас, входили ли вы в закрытый архив, вы ответили отрицательно.

Я повернулась к Каэру.

Он стоял неподвижно.

– А потом выяснилось, что входила.

– Да, – сказал он.

Голос у него стал жёстче.

– Как выяснилось?

– Существовала запись доступа. И свидетельство человека, который видел вас поблизости.

– После чего я призналась?

– Да.

– И что сказала?

Ответил Северт:

– Что искали информацию.

– Какую?

– Не объяснили.

– Зачем?

– Не объяснили.

Я выдохнула через нос.

Вот и всё.

Незаконный доступ.

Секретные копии.

Вынесенный элемент.

Магический след на повреждённой системе.

Вещество, способное подавлять драконью силу.

Подозрительный документ семьи.

И ложь человеку, отвечающему за безопасность.

Если бы подобное лежало передо мной в служебном расследовании, я бы не сказала:

«Какая очевидная невинность».

Я бы отстранила сотрудника от доступа и начала проверять каждую бумагу, к которой он прикасался.

Это признание мне совсем не понравилось.

– Было что-нибудь ещё? – спросила я.

– Были обстоятельства и показания, – ответил Северт. – Но перечисленного достаточно, чтобы вы понимали серьёзность положения.

Достаточно.

Более чем.

Я посмотрела на Каэра.

– А вы?

– Что я?

– Вы поверили, что я это сделала.

Впервые за всё время в комнате стало по-настоящему тяжело.

Северт не вмешался.

Каэр ответил:

– Да.

Без попытки смягчить.

– Сразу?

– Нет.

– Вы спросили меня?

– Не один раз.

– И?

Челюсть у него чуть напряглась.

– Вы признали незаконный доступ. Признали, что забрали элемент. Признали копирование документов.

– Но не диверсию.

– Нет.

– Тогда почему вы решили, что виновна?

Он посмотрел на меня очень прямо.

– Потому что на каждый вопрос, который мог объяснить ваши действия иначе, вы либо отвечали неправду, либо отказывались отвечать совсем.

Слова неприятно попали точно.

Я опустила взгляд на бумаги Северта.

Не потому, что поверила в виновность Лиоры.

Пока я вообще ни во что не верила.

Но впервые почувствовала не раздражение к женщине, оставившей мне эту катастрофу.

А тревожное любопытство.

Если она действительно не совершала диверсию, то зачем сделала всё, что делало её виновной?

– Помолвку вы расторгли после этого?

– Да.

– Когда?

– Шесть дней назад.

Шесть дней.

Не месяцы.

Не годы.

Шесть.

Для Каэра это было не старое дело.

Для людей в коридорах эта женщина ещё неделю назад должна была стать супругой одного из самых влиятельных людей страны.

А потом её имя превратилось в обвинение.

– Публично?

– Да.

– Вы сказали, что я виновна?

– Нет.

– Что именно сказали?

На этот раз Каэр замолчал.

Северт тоже.

Я ждала.

Наконец он произнёс:

– Что после известных мне обстоятельств не могу продолжать помолвку и не считаю возможным защищать вас от предъявленного обвинения своим именем.

Не «она виновна».

Но почти хуже.

Если этот мужчина действительно был тем, кем его называли, людям не требовался прямой приговор.

Достаточно было увидеть, что даже жених отступил.

– И после этого что произошло со мной?

– Дом Вейран отказался от договорной компенсации, – сказал Северт.

– Это хорошо?

Молчание ответило раньше него.

– Формально, – произнёс дознаватель. – Да.

– А фактически?

Каэр не отвёл глаз.

– Это было воспринято как подтверждение серьёзности причины разрыва.

Я невесело усмехнулась.

– То есть вы даже денег с моей семьи не потребовали, и все решили, что я настолько плоха, что брать с меня уже нечего.

– Не так.

– Но примерно.

Он сжал губы.

– Примерно.

Интересный человек.

Не оправдывался там, где мог.

Это не делало его решение менее разрушительным.

Зато мешало удобно записать его в мерзавцы.

Я терпеть не могла сложные проблемы.

Они не помещались в одну колонку таблицы.

– Я хочу увидеть материалы дела.

Северт покачал головой.

– Не все.

– Почему?

– Часть содержит закрытые сведения государственной безопасности.

– Я могу увидеть доказательства против себя?

– В установленном порядке, через представителя и под контролем следствия.

– У меня есть представитель?

– Был назначен временный судебный поверенный.

– Имя?

Он назвал.

Я повторила дважды, чтобы запомнить.

– Я хочу поговорить с ним сегодня.

– Если состояние позволит.

– Позволит.

Северт посмотрел на врача, которого сейчас в комнате не было, будто мысленно готовился к спору.

– Я передам просьбу.

– Не просьбу.

Он поднял брови.

– Требование?

– Законное право, если я правильно поняла всё, что вы мне объяснили.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

– Правильно, – сказал он.

Вот.

Первое полезное достижение за два дня.

Мизерное.

Но моё.

Я поднялась.

Слишком быстро.

Колени дрогнули, и пришлось ухватиться за край стола.

Каэр сделал шаг.

Всего один.

Я подняла ладонь.

– Не надо.

Он остановился.

Сразу.

Так же, как вчера Илар.

Только почему-то сейчас я отметила это особенно.

– Я не падаю.

– Пока, – сказал Каэр.

– Оптимист.

– Наблюдателен.

Я выпрямилась.

Северт начал собирать бумаги.

– На сегодня достаточно.

– Для вас, может быть.

– Леди Астен.

– Ладно. Достаточно.

Мне действительно было плохо.

Не физически.

Физически как раз становилось лучше.

Хуже было другое.

Вчера я проснулась и решила, что главной проблемой станет отсутствие памяти.

Теперь понимала:

память была бы удобством.

Настоящей проблемой стала жизнь Лиоры.

Люди здесь не видели во мне растерянную женщину в чужом мире.

Они видели человека, который:

тайно проник в военный архив;

скопировал закрытые сведения;

забрал часть защитной системы;

оставил на повреждённом узле собственный магический след;

хранил вещество, способное подавлять драконью силу;

был связан с подозрительным движением грузов;

а потом солгал.

Я могла сколько угодно думать:

«Это не я».

Для суда перед ними находилось тело Лиоры Астен.

Её лицо.

Её имя.

Её имущество.

Её след.

Её преступление.

Или её подстава.

Но доказывать разницу предстояло мне.

Северт вышел первым.

Я ожидала, что Каэр уйдёт следом.

Он не ушёл.

Остановился возле двери.

– Что ещё? – спросила я.

– Вы не спросили главного.

– Что именно вы считаете главным?

– Хотите ли вы вернуть помолвку.

Я уставилась на него.

А потом всё-таки рассмеялась.

Тихо.

Без особой радости.

Просто не удержалась.

На лице Каэра появилось совершенно настоящее недоумение.

– Простите, – сказала я. – Вы серьёзно?

– Абсолютно.

– Меня подозревают в государственной диверсии. Я не могу выйти из города без разрешения. Часть денег недоступна. Я не знаю собственного отца. Не понимаю местную магию. Сегодня утром выяснила, что мой бывший жених умеет превращаться в дракона.

Он чуть приподнял бровь.

– Последнее вас беспокоит особенно?

– Пока не определилась.

Я сделала шаг к кровати и села, потому что ноги снова напомнили о существовании.

– Но нет, лорд Вейран. Возвращение помолвки сейчас занимает примерно последнее место в списке моих проблем.

Он молчал.

И в этот раз я впервые увидела не подозрение.

Не раздражение.

Не холод.

Растерянность.

Совсем небольшую.

Но настоящую.

Лиора, видимо, должна была ответить иначе.

– Ясно, – сказал он.

– Рада, что разобрались.

Он уже взялся за ручку двери, когда я спросила:

– Каэр.

Мужчина замер.

Я впервые назвала его по имени.

Не потому, что стала ближе.

Просто хотела, чтобы он обернулся.

Он обернулся.

– В тот раз, когда вы спросили Лиору про архив... вы хотели ей поверить?

Ответ пришёл не сразу.

– Да.

Это прозвучало хуже, чем если бы он сказал «нет».

– И она всё равно солгала.

– Да.

Я посмотрела на него.

– Тогда либо она была очень глупой...

Он ничего не сказал.

– ...либо у неё была причина, которую вы не знали.

Взгляд Каэра стал холодным.

– Я дал ей возможность назвать эту причину.

– А она не назвала.

– Нет.

– Значит, вы решили, что причины не существует.

Он медленно отпустил ручку двери.

– Вы пытаетесь защитить себя?

– Я пытаюсь понять, что случилось с женщиной, которой теперь приходится быть мне.

Это вырвалось слишком близко к правде.

Каэр застыл.

Я тоже.

Но отступать было поздно.

– Странная формулировка, – произнёс он.

– У меня странная неделя.

– Шесть дней назад вы говорили совсем иначе.

– Что именно?

Он смотрел на меня долго.

Потом подошёл к столу.

Взял одну бумагу, которую Северт, видимо, намеренно оставил.

Положил передо мной.

Я не знала местного почерка.

И всё же прочитала.

Без усилия.

Ещё одна проблема на будущее.

В документе стояли даты.

Номера.

Несколько подписей.

А ниже была короткая запись допроса.

Я увидела имя:

«Лиора Астен».

И вопрос:

«Посещали ли вы закрытый архив обслуживания северного контура в ночь перед указанной датой?»

Ответ был записан одной строкой.

«Нет».

Ниже находилась отметка о проверке доступа.

Лиора вошла туда.

Я медленно подняла глаза.

Каэр смотрел на меня без торжества.

От этого становилось только тяжелее.

– Вот почему я вам не поверил, – сказал он. – Потому что это была не единственная ложь.

Глава 3. Второй раз её хотят убить

«Не единственная ложь».

Фраза Каэра преследовала меня до следующего утра.

Не потому, что я вдруг поверила во всё обвинение целиком.

Хуже.

Потому что начинала понимать, почему поверил он.

Я слишком хорошо знала, как выглядят служебные расследования, в которых один неприятный факт ещё можно объяснить, второй назвать совпадением, а третий списать на чью-то небрежность.

Потом появляется четвёртый.

Пятый.

Шестой.

И в какой-то момент человек перестаёт выглядеть неудачником, оказавшимся не там и не тогда.

Начинает выглядеть системой.

Лиора тайно проникла в закрытый архив.

Скопировала документы.

Забрала контрольный элемент.

Соврала об этом Каэру.

На её вещах нашли тихую соль.

Её магический след оказался на повреждённой части зашиты.

И это, по словам Каэра, была не единственная ложь.

Я лежала на спине и смотрела в каменный потолок.

– Ну и зачем ты это делала?

Потолок разумно промолчал.

Лиора тоже.

Ни чужого голоса в голове, ни внезапно открывшейся памяти.

Я попробовала вспомнить хоть что-нибудь, связанное с запиской, которую вчера показал Каэр.

Строки я прочла легко.

Почерк поняла.

Смысл тоже.

Но самой сцены не было.

Ни закрытого архива.

Ни разговора с Каэром.

Ни момента, когда Лиора посмотрела ему в лицо и сказала «нет», прекрасно зная, что ответ ложный.

Оставалась только я.

Женщина, которая понятия не имела, почему другая женщина старательно строила вокруг себя обвинение.

В дверь постучали.

– Войдите.

На этот раз вошёл не Северт.

Молодой мужчина в тёмной форме остановился у порога и коротко поклонился.

Я видела его раньше в коридоре, но имени не знала.

– Леди Астен.

У него было открытое лицо человека, который очень старался не показывать, что ему неприятно находиться со мной в одной комнате.

Получалось неплохо.

Если не смотреть в глаза.

– Я вас слушаю.

– Дознаватель Ранн ожидает вас через полчаса. Лекарь разрешил покинуть лечебное крыло.

– И вы пришли проводить?

– Да.

– Имя?

Он чуть помедлил.

– Дален Керр. Офицер гвардии дома Вейран.

Не судебная охрана.

Каэров человек.

– То есть за мной теперь следят Вейраны?

– Я получил приказ сопровождать вас до зала допросов.

– От Каэра?

– От капитана.

– А капитан подчиняется Каэру.

Его лицо осталось спокойным.

– В конечном счёте.

– Значит, да.

На этот раз в глазах мелькнуло раздражение.

Совсем немного.

– Если вам удобнее.

Мне было не удобнее.

Мне было интересно.

– Вы меня ненавидите, Дален?

Вот теперь спокойствие треснуло.

Он посмотрел прямо на меня.

– Это имеет отношение к вашему пути до зала допросов?

– Возможно. Я предпочитаю знать, человек рядом со мной хочет не дать мне упасть или сам с удовольствием столкнул бы меня с лестницы.

Молчание затянулось.

Я не отводила взгляда.

Наконец он сказал:

– Я выполню приказ.

– Не ответ.

– Лучшего у меня нет.

Честно.

Я кивнула.

– Тогда подождите за дверью. Я переоденусь.

Он вышел.

Без спора.

Мне понравилось это больше, чем должно было.

За последние два дня я слишком часто ожидала, что каждый мужчина в форме начнёт объяснять, что именно мне разрешено делать с собственным телом.

Пока здешние люди оказывались сложнее моих опасений.

Не безопаснее.

Именно сложнее.

Я оделась и ещё раз посмотрела на себя в зеркало.

Сегодня принесли тёмно-синее платье, простое по местным меркам. Ткань плотнее вчерашней, мягко ложилась на грудь и бёдра, не пытаюсь скрыть их и не превращая меня в обтянутую занавеской мебель.

К лицу Лиоры я всё ещё не привыкла.

Особенно к глазам.

Они смотрели так, будто уже слишком многое пережили.

Наверное, так и было.

– Разберёмся, – сказала я отражению.

Не обещание.

Рабочая задача.

С этим мне было легче.

Дален ждал снаружи.

Рядом с ним стояла женщина.

Высокая, лет сорока на вид, с тёмными волосами, собранными на затылке так строго, будто ни одна прядь не имела права на личное мнение. На ней была такая же форма, как у Далена, только с серебряным знаком у воротника.

Оружие она носила так естественно, словно родилась вместе с ним.

Посмотрела на меня.

И я сразу поняла, что эта женщина Лиору не любила.

Не по лицу.

По отсутствию любых лишних эмоций.

Иногда самый холодный сервис обеспечивали именно тем клиентам, которых персонал мечтал больше никогда не видеть.

– Леди Астен, – произнесла она.

– Вы капитан?

Одна бровь слегка поднялась.

– Иара Вейран.

Фамилия объяснила сходство, которого я сначала не заметила.

Не прямое.

Что-то в линии скул.

В спокойствии.

И, вероятно, в способности смотреть так, что собеседник сам начинал проверять, не совершил ли чего-нибудь незаконного.

– Родственница Каэра?

– Двоюродная сестра.

– И капитан его личной гвардии.

– Верно.

Я посмотрела на Далена.

– Теперь понимаю, откуда приказ.

– Я буду сопровождать вас сама, – сказала Иара.

– Почему?

– Потому что лорд Вейран считает необходимым усилить охрану.

– После чего?

– После вашего вчерашнего состояния.

– Моё состояние нападало на людей?

Дален отвёл глаза.

Я почти увидела, как он прячет реакцию.

Иара не улыбнулась.

– После того как выяснилось, что вы практически не помните устройства здания и окружающих людей.

– То есть Каэр решил, что без памяти я стала более удобной мишенью.

– Каэр решил, что риск нельзя считать прежним.

Грамотно.

Не «вы в опасности».

Не «вам кажется».

Риск изменился.

Я начинала подозревать, что в семье Вейран даже завтрак оформляли как военную операцию.

– Хорошо. Идём.

Судебный комплекс оказался значительно больше, чем я представляла по лечебному крылу.

Мы спустились по широкой каменной лестнице, прошли два коридора, пересекли крытую галерею.

Я старалась не пялиться.

Получалось плохо.

За высокими окнами виднелись крыши города.

Тейран был настоящим.

Не декорацией сна.

Каменные здания стояли плотно, одно за другим. Над некоторыми поднимались башни. Вдалеке блестела широкая река. По улице внизу двигались экипажи, люди, телеги.

Никаких автомобилей.

Никаких проводов.

Никакой рекламы.

У меня сжалось горло.

Я смотрела на город и впервые не могла спрятаться за задачами.

Там, за этими стенами, не было моего дома.

Не было мамы.

Папы.

Моей кухни с плохо закрывающимся верхним шкафчиком, который я собиралась заменить уже второй год.

Не было рабочего чата, который раздражал меня каждый вечер и который я сейчас отдала бы многое, чтобы услышать хотя бы один раз.

– Леди Астен?

Я поняла, что остановилась.

Иара стояла в нескольких шагах впереди.

– Всё нормально.

Она посмотрела на меня.

Я могла бы сказать: «закружилась голова».

Удобное объяснение.

Вместо этого ответила:

– Нет. Но идти могу.

Что-то в её взгляде стало чуть внимательнее.

– Тогда идём.

Мы двинулись дальше.

На следующем повороте нас ожидал Северт.

– Вы опоздали на две минуты.

– Трагедия, – сказала я.

– Я переживу.

Сухой человек.

Сегодня я была ему почти рада.

– Поверенный пришёл?

– Ждёт в зале.

– И материалы, которые мне разрешено увидеть?

– Там же.

– Хорошо.

Северт развернулся.

Теперь процессия выглядела внушительно: дознаватель впереди, Иара рядом со мной, Дален позади.

Для женщины, которая официально не сидела в тюрьме, охраняли меня с заметным энтузиазмом.

Мы вышли в длинную галерею.

С одной стороны стены.

С другой ряд высоких окон и арок, выходявших во внутренний двор. Через двор проходила ещё одна галерея, этажом выше.

Я заметила людей там машинально.

Двое служащих с бумагами.
Женщина в светлом платье.
Мужчина возле колонны.
Ничего необычного.
Потом мужчина шевельнулся.
Не пошёл.
Не повернулся.
Рука поднялась к груди.
Я ещё не успела понять, что именно мне не нравится.
Иара ударила меня плечом.
Мир рванул в сторону.
Я врезалась в стену.
Одновременно что-то резко щёлкнуло.
У самого лица просвистело.
Тук.
В деревянную раму окна вошёл короткий чёрный болт.
На уровне моей шеи.
Несколько секунд я просто смотрела на него.
Не понимала.
Потом поняла всё сразу.
– На пол! – рявкнула Иара.
Дален уже закрывал меня собой.
Северт отступил к стене.
Во внутреннем дворе кто-то закричал.
Я опустилась не потому, что подчинилась.
Ноги сами решили, что с них достаточно.

– Стрелок! Верхняя восточная галерея! – крикнула Иара.
Дален рванул к ближайшему проходу.

– Живым! – приказала она.

Он исчез.

Иара встала между мной и открытой частью галереи.

Её ладонь лежала на рукояти меча.

– Ранены?

– Нет.

Голос прозвучал чужим.

Я провела ладонью по шее.

Кожа цела.

– Точно?

– Если не считать стену.

Она быстро осмотрела меня.

Пальцами не тронула.

Только взглядом.

– Оставайтесь здесь.

Мне хотелось сказать, что это потрясающая идея и я как раз собиралась погулять под следующим выстрелом.

Не получилось.

Руки дрожали.

Сильно.

Я спрятала их в складках юбки.

Глупо.

Как будто Иара не видела.

– Мне страшно, – сказала я.

Сама не поняла, зачем.

Наверное, потому что притворяться перед женщиной, которая только что спасла мне жизнь, показалось бессмысленным.

Она посмотрела на меня.

– Правильная реакция.

И отвернулась к галерее.

Станным образом от этого стало легче.

Не намного.

Но достаточно, чтобы снова начать думать.

Болт вошёл глубоко.

Стрелял не человек, который впервые держал арбалет.

Расстояние через двор приличное.

Целились не в стену.

В меня.

В шею или верх груди.

Не напугать.

Убить.

Я почувствовала тошноту.

Не метафорическую.

Настоящую.

Пришлось прижаться затылком к холодному камню.

Северт подошёл к болту, но не коснулся.

– Не трогать.

– Я и не собиралась.

Он бросил на меня взгляд.

– Я говорил не вам.

По лестнице уже бежали люди.

Появились двое стражников судебного комплекса.

Иара коротко объяснила направление.

Один ушёл за Даленом.

Второй перекрыл проход.

Северт присел возле меня.

– Вы видели стрелка?

– Мужчина. Верхняя галерея. У колонны.

– Лицо?

Я закрыла глаза на секунду.

Восстановила картинку.

Свет сзади.

Тёмная одежда.

Среднего роста.

– Нет. Слишком далеко. Капюшона не было. Волосы тёмные или просто так выглядели в тени. Рука поднялась к груди перед выстрелом.

– Арбалет?

– Я не успела увидеть оружие.

Он кивнул.

Не подсказывал ответ.

Правильно.

– Что-то ещё?

– Рядом были другие люди. Он выбрал момент, когда мы вошли в открытую часть галереи.

Северт посмотрел наверх.

– Значит, знал маршрут.

У меня внутри стало ещё холоднее.

– Его можно было узнать заранее?

– Маршрут до зала допросов не секретен.

– Время?

– Определялось сегодня утром.

– Кто знал?

Он посмотрел на меня.

Хорошо.

Я поняла.

Неправильный вопрос для коридора, полного людей.

– Потом, – сказала я.

– Потом.

Иара обернулась.

– Уходим отсюда.

– Куда?

– Обратно в лечебное крыло.

– Нет.

Она посмотрела на меня так, как капитан обычно смотрит на человека, который решил поспорить с очевидностью.

Я поднялась.

Колени дрожали.

Пришлось придержаться за стену.

– Леди Астен...

– Я шла на допрос.

– В вас только что стреляли.

– Именно поэтому я хочу услышать всё, что следствие знает.

– Это решит Ранн.

Я повернулась к нему.

Северт посмотрел сначала на болт, потом на меня.

– Допрос переносится.

– Почему?

– Потому что теперь у меня новый эпизод, который требует немедленной работы.

– Отлично. Я свидетель.

– И предполагаемая цель.

– Это не мешает мне отвечать на вопросы.

– Мешает мне проводить допрос в помещении, маршрут к которому оказался известен стрелку.

Аргумент.

Ненавижу хорошие аргументы, когда они не в мою пользу.

– Тогда в другой комнате.

– Леди Астен...

– Я не собираюсь возвращаться в кровать и ждать, пока кто-то в третий раз решит, что делать с моей жизнью.

Иара резко повернула голову.

Северт прищурился.

Я поняла, что сказала слишком много.

Но отступать не хотелось.

Вчера я очнулась.

Сегодня в меня стреляли.

Если я буду послушно лежать и ждать, когда окружающие разложат мой мир по папкам, следующую главу моей жизни вполне может написать человек с арбалетом.

И она окажется очень короткой.

– Я не прошу выпустить меня на улицу, – сказала я спокойнее. – Найдите закрытую комнату. Позовите моего поверенного. Расскажите, что известно. И объясните, почему женщину, которую все считают почти разоблачённой предательницей, кому-то настолько срочно понадобилось убить.

Северт молчал.

Иара тоже.

Только теперь её взгляд был другим.

Не добрее.

Скорее оценивающим.

– Она права в одном, – сказала Иара.

Северт повернулся к ней.

– Только в одном?

– Сейчас у нас больше вопросов, чем десять минут назад.

– Это не означает, что я должен обсуждать их с человеком, который...

Он не договорил.

Со стороны лестницы послышались быстрые шаги.

Вернулся Дален.

Один.

Лицо жёсткое.

– Ушёл.

Иара ничего не сказала, но её взгляд стал ледяным.

– Как?

– Через служебную лестницу. Внизу нашли плащ. Дальше смешался с людьми у северного входа. Перекрытия уже выставляют.

– Оружие?

– Нет.

– Кто видел?

– Двое писарей. Один видел мужчину с небольшим арбалетом. Описания почти нет.

Северт выругался.

Очень тихо и очень неофициально.

Мне почему-то стало легче от того, что королевские дознаватели тоже ругались, когда день переставал соответствовать плану.

– Болт не трогали? – спросил Дален.

– Нет, – ответила Иара.

Он подошёл к окну, внимательно посмотрел и нахмурился.

– На коньечнике что-то есть.

Я тоже увидела.

Тонкий тёмный блеск.

Не металл.

Маслянистый слой.

Северт сразу приказал:

– Позовите лекаря. Не Весса. Дежурного судебного.
Илар.

На секунду мне захотелось спросить почему не его.
Не стала.

Северт мог просто разделять свидетелей и участников
вчерашнего обследования.

Или причин было больше.

Пока данных нет.

Я уже сделала достаточно выводов на пустом месте.

Через несколько минут пришёл незнакомый лекарь в свет-
лом халате.

С болтом работал в перчатках, используя металлические
щипцы.

Соскоблил немного тёмного вещества в стеклянную ча-
шечку.

Поднёс к свету.

Добавил каплю прозрачной жидкости из флакона.

Цвет быстро изменился.

Лекарь выругался почти так же тихо, как Северт.

– Что? – спросила я.

Он посмотрел на меня.

– Растительный яд.

– Насколько опасный?

– Если болт вошёл бы достаточно глубоко...

Он замолчал.

Я терпеть не могла эту привычку врачей.

– Я не ребёнок.

– Смертельный.

Одно слово.

И всё тело отреагировало раньше головы.

Пальцы похолодели.

В желудке сжалось.

Я снова увидела чёрный болт на уровне своей шеи.

На несколько сантиметров левее.

Если бы Иара заметила движение позже.

Если бы толкнула слабее.

Если бы я пошла чуть быстрее.

Вера Соколова погибла в машине.

Лиора Астен, возможно, умерла вчера.

А сегодня кто-то очень старался сделать так, чтобы это тело не пережило и меня.

– Сколько времени? – спросила я.

Лекарь не понял.

– Что?

– Если бы попал.

Он посмотрел на кончик.

– Зависит от места и количества. Возможно, несколько минут.

Я кивнула.

– Спасибо.

Голос не дрогнул.

Руки да.

Иара заметила.

Ничего не сказала.

Через четверть часа меня всё-таки перевели в другую комнату.

Не лечебную.

Маленький кабинет без окон, с одной дверью.

Я сама проверила ручку.

Не заперта.

Потом ещё раз посмотрела на дверь.

Иара стояла снаружи.

Дален внутри, возле стены.

Северт сидел напротив меня.

Поверенный, с которым я успела познакомиться только по имени, оказался сухим пожилым мужчиной и первые пять минут задавал почти исключительно вопросы о моём состоянии.

Полезно.

Раздражающе.

Но полезно.

– Итак, – сказала я, когда формальности закончились. – Кто хочет меня убить?

Северт сложил руки на столе.

– Если бы я знал, этот человек уже находился бы под стражей.

– Какие варианты?

– Несколько.

– Перечислите.

Поверенный вмешался:

– Леди Астен, вам не обязательно участвовать в обсуждении следственных версий.

– А мне не обязательно было становиться мишенью. Но день полон сюрпризов.

Северт бросил на него короткий взгляд.

Потом снова на меня.

– Первый вариант. Человек, пострадавший из-за диверсии или потерявший близкого, решил отомстить.

Я посмотрела на Далена.

Он стоял неподвижно.

Только теперь я поняла его вчерашнюю холодность.

– Кто из погибших был вам близок? – спросила я.

Дален резко посмотрел на меня.

– Леди Астен.

– Я спрашиваю не ради любопытства.

Он молчал.

Иара появилась в дверях.

Видимо, слышала.

– Один из погибших был его товарищем, – сказала она.

Дален сжал челюсть.

Я кивнула.

– Понятно.

Он смотрел на меня настороженно, будто ждал оправданий.

Я не собиралась.

– Мне жаль.

– Вы его не помните.

– Нет.

– Тогда вам не о чем сожалеть.

– Мне жаль, что человек погиб. Для этого не обязательно его помнить.

Дален отвернулся.

Иара задержала на мне взгляд на секунду дольше.

Северт продолжил:

– Второй вариант. Кто-то считает, что вы знаете больше, чем говорите.

– Например?

– Соучастник.

Вот.

Я ждала.

– То есть если Лиора была виновна не одна, её могли попытаться убрать, чтобы она не заговорила после провала.

– Да.

– Тогда покушение не доказывает мою невиновность.

– Нет.

Мне понравилось, что он сказал это прямо.

– Третий вариант?

– Кто-то опасается, что расследование приведёт к нему через вас, даже если вы не являлись соучастницей.

– А четвёртый?

– Пока достаточно трёх.

– Значит, есть ещё.

– Значит, я не собираюсь строить версии без данных.

Опять правильный ответ.

Я вздохнула.

– Хорошо. Что меняется юридически?

Северт посмотрел на поверенного.

Тот поправил бумаги.

– Сам факт покушения не снимает ограничений по основному делу.

– Разумеется.

– Но создаёт вопрос вашей безопасности.

– Судебный комплекс не справляется?

Дален тихо хмыкнул.

Северт услышал.

– Справляется с охраной большинства людей. Но стрелок получил доступ к соседней галерее и знал достаточно, чтобы подготовиться.

– Значит, кто-то внутри помог.

– Не обязательно.

– Но возможно.

– Возможно.

– И что вы предлагаете?

Северт не успел ответить.

Дверь открылась.

Каэр вошёл без спешки.

Но я сразу поняла, что он зол.

Не по лицу.

Лицо оставалось почти таким же, как всегда.

По тому, как он закрыл за собой дверь.

Очень тихо.

Дален выпрямился.

Иара вошла следом.

– Нашли что-нибудь? – спросил Северт.

– Нет стрелка. Есть подтверждение, что он покинул северную часть комплекса не позже чем через пять минут после выстрела.

– Помощник?

– Неизвестно.

Каэр посмотрел на меня.

Сверху вниз.

Проверил лицо.

Руки.

Плечи.

– Вы ранены?

– Нет.

– Лекарь осмотрел?

– Да.

– Яд?

– Смертельный.

Его взгляд изменился.

Не сильно.

Но воздух в комнате словно стал тяжелее.

– Кто определил?

Северт назвал врача.

Каэр кивнул.

Потом спросил:

– Весс где?

– В лечебном крыле, – ответила Иара. – Его пока не привлекали к осмотру болта.

– Хорошо.

Я посмотрела на них обоих.

Интересно.

Снова Илар.

Но пока только имя.

Не вывод.

Каэр подошёл к столу.

– Ранн, я хочу изменить условия её содержания.

Я резко повернулась к нему.

– Моего чего?

Он посмотрел на меня.

– Надзора.

– Вы сказали «содержания».

– Неудачная формулировка.

– Очень.

Северт устало потёр переносицу.

– Что предлагаете?

– Вывести её из Тейрана.

Я даже не сразу нашла, что сказать.

Потом рассмеялась.

На этот раз коротко.

– Вчера мне объяснили, что я не имею права покидать город.

– Без разрешения или гаранта, – сказал Каэр.

Я вспомнила.

Точно.

– И кто, по-вашему, должен стать гарантом?

Он не ответил.

Не требовалось.

– Нет.

Поверенный поднял голову.

Северт молчал.

Каэр тоже.

– Вы ещё даже не слышали условия.

– Мне хватает основного направления. Мужчина, который шесть дней назад публично отказался защищать Лиору, теперь предлагает получить юридическое право контролировать, куда я хожу и где живу. Удивительно, что я не в восторге.

Дален посмотрел в пол.

Иара не отвела глаз.

Каэр ответил спокойно:

– Я не прошу вас быть в восторге.

– Уже легче.

– Я предлагаю место, которое защищено лучше этого комплекса.

– Где?

– Вейрхольм.

Название уже звучало раньше.

Его территория.

Крепость.

Место диверсии.

Место, где Лиору подозревали в убийстве людей.

– Вы хотите увезти меня туда, где погибли ваши солдаты и где половина людей наверняка считает меня предательницей.

– Не половина.

Я прищурилась.

– Очень утешает.

Кажется, Иара едва заметно опустила взгляд, скрывая что-то похожее на реакцию.

Каэр продолжил:

– В Вейрхольме я могу обеспечить защиту, которой у вас здесь нет.

– И надзор.

– Да.

Хотя бы не лжёт.

– А если я откажусь?

Северт заговорил раньше него:

– Тогда суду придётся рассмотреть другие варианты обес-

печения безопасности в пределах Тейрана.

– Какие?

Пауза мне не понравилась.

– Охраняемое помещение.

– То есть практически камера.

– Не обязательно тюремная.

– Как тонко.

Я посмотрела на Каэра.

Он не выглядел человеком, который торжествует, загнав меня в угол.

Это раздражало ещё сильнее.

Было бы проще, если бы он оказался самодовольным мерзавцем.

– Почему вам вообще это нужно? – спросила я.

– Что именно?

– Я.

– Вы связаны с делом.

– Этого недостаточно. У вас есть королевский дознаватель. Суд. Охрана. Почему лично вам нужно везти женщину, которую вы считаете способной к диверсии, в собственную крепость?

Он замолчал.

Я ждала.

И получила ответ, которого не ожидала.

– Потому что сегодня в вас стреляли.

– Очень трогательно.

– Это не забота о ваших чувствах.

– Вот теперь узнаю вас.

– Лиора, которой я не поверил, должна была дожидаться суда. Живой.

В комнате стало тихо.

Я перестала улыбаться.

Каэр смотрел прямо.

– Кто-то решил иначе. Я хочу знать почему.

– Вы всё ещё считаете меня виновной?

– Я считаю доказательства против Лиоры серьёзными.

Против Лиоры.

Он впервые сказал это именно так.

Не «против вас».

Я не знала, заметил ли сам.

– И одновременно?

– Одновременно человек, которого уже публично связали с преступлением и ограничили законом, внезапно становится целью убийства.

– Соучастник замечает следы.

– Возможно.

– Мститель.

– Возможно.

– Или официальная версия чего-то не объясняет.

Его глаза чуть сузились.

– Возможно.

Первый раз.

Не «нет».

Не «вы лжёте».

Возможно.

Очень маленькое слово.

Но вчера его не было.

– Поэтому Вейрхольм? – спросила я.

– Поэтому защита, которую могу контролировать лично.

У меня сразу поднялась внутренняя защита.

Вот оно.

Контролировать.

Я уже знала, что именно мне в этом мужчине будет особенно трудно переносить.

– Я не вещь, которую вы можете положить в безопасный ящик.

– Я этого не говорил.

– Зато подумали очень похожее.

– Мы знакомы два дня, а вы уже знаете, что я думаю?

– Нет. Я знаю, как звучит слово «контролировать».

На секунду в его взгляде мелькнуло раздражение.

Хорошо.

Пусть хотя бы один из нас не сохраняет идеальное спокойствие.

Северт вмешался:

– Это решение не принимается сейчас.

Я повернулась к нему.

– Когда?

– Завтра мы можем оформить условия гарантии, если вы согласитесь рассмотреть предложение.

– Если соглашусь рассмотреть. Не принять.

– Именно.

Я посмотрела на Каэра.

Он не возражал.

– И условия можно зафиксировать письменно?

– Да, – сказал Северт.

– Все?

– Те, которые допускает закон.

– Что делает гарант?

– Отвечает за ваше соблюдение установленных судом ограничений и предоставляет место проживания, защиту, доступ к представителю и возможность являться на следственные действия.

– Может запереть меня, если ему не понравится моё поведение?

– Не произвольно.

– Отобратить деньги?

– Нет.

– Запретить общаться с поверенным?

– Нет.

– Наказать?

– Нет.

Каэр молчал.

Я видела, что ему не нравится направление вопросов.

Или нравится слишком мало.

Это уже было его проблемой.

– Хорошо, – сказала я. – Я выслушаю условия.

– Это не согласие, – уточнил Каэр.

Я посмотрела на него.

– Вы обучаемый.

И вот тогда он почти улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Я увидела и сразу разозлилась на себя за то, что заметила.

Не время.

Совершенно не время замечать мужские рты.

Особенно принадлежащие мужчине, который предлагал перевезти меня под собственный надзор в драконью крепость.

Северт начал собирать бумаги.

– До завтра вы останетесь здесь под усиленной охраной.

– В лечебном крыле?

– В закрытом помещении комплекса. Маршрут будет известен минимальному числу людей.

– Яара?

Капитан посмотрела на меня.

– Да?

– Спасибо.

Она ничего не ответила сразу.

Я добавила:

– Если бы не вы, обсуждать гаранта пришлось бы уже без

меня.

Её лицо осталось сдержанным.

– Я выполняла свою работу.

– Это не отменяет результата.

Пауза.

– Не отменяет, – согласилась она.

И впервые в её взгляде не было только холода.

Не доверие.

До него нам было далеко.

Но, возможно, я перестала быть для неё исключительно женщиной из материалов дела.

Каэр направился к двери.

Я окликнула:

– Лорд Вейран.

Он обернулся.

– Допустим, я соглашусь.

– На обсуждение?

– Не придирайтесь.

– Я уточняю.

– Допустим, соглашусь на вашу гарантию. Почему Вейрхольм действительно безопаснее, если именно там произошла диверсия, которую никто не сумел предотвратить?

Удар получился точным.

Я поняла это по лицу Иары.

По тому, как Дален замер.

По тому, как Каэр перестал быть почти расслабленным.

Можно было смягчить.

Не стала.

Мне собирались доверить ему мою жизнь.

Я имела право задать неприятный вопрос.

Каэр подошёл на шаг ближе.

Не угрожающе.

Просто так, чтобы отвечать мне, а не всей комнате.

– Потому что после той диверсии я знаю, чего не знал раньше.

– Чего?

– Что противник уже был внутри системы.

Я замолчала.

Он продолжил:

– И потому что сегодня кто-то выстрелил в вас в королевском судебном комплексе.

Его голос стал тише.

– Леди Астен, нравится вам это или нет, но человек, стоящий за вашей нынешней ситуацией, ещё не закончил.

По спине прошёл холод.

Не от близости Каэра.

От простой логики.

Я проснулась вчера.

Уже сегодня кто-то раздобыл оружие.

Яд.

Место.

Время моего движения.

И почти попал.

Мне хотелось свободы.

Я всё ещё хотела её сильнее почти всего остального.

Но впервые пришлось признать неприятную вещь:
до свободы следовало дожить.

Каэр задержал на мне взгляд.

– Поэтому я предлагаю вам свою гарантию.

– А если человек, которого я должна бояться, находится
в Вейрхольме?

– Тогда, – сказал он, – мы найдём его там.

Глава 4. Я подпишу только это

Ночью я трижды проверяла дверь.

В первый раз потому, что в меня стреляли.

Во второй потому, что вспомнила, как быстро стрелок исчез из судебного комплекса.

В третий уже разозлилась на себя, но всё равно встала.

Дверь была заперта изнутри.

За ней дежурили двое.

Окно комнаты выходило во внутренний двор и открывалось только наполовину. Я лично убедилась, что через эту щель ко мне не пролезет никто крупнее очень целеустремлённого кота.

После этого легла.

Сон всё равно не пришёл.

Стоило закрыть глаза, возвращался чёрный болт, вошедший в дерево там, где секунду назад была моя шея.

Потом появлялся белый борт фургона.

Я открывала глаза.

Каменный потолок.

Тейран.

Эларис.

Лиора Астен.

Нет, к этому набору слов я пока не привыкла.

Самым неприятным было даже не то, что меня пытались

убить.

А то, насколько быстро мысль о собственной смерти превратилась из чего-то невозможного в практическую задачу.

Кто знал маршрут?

Кто знал время?

Кто достал яд?

Кому понадобилась мёртвая женщина, которую и без того обвиняли в государственной измене?

И главный вопрос, от которого я старательно уходила весь вечер:

если стрелок работал на человека, который уже однажды попытался избавиться от Лиоры, то что именно она знала?

Я не знала.

Память женщины, чьё лицо видела в зеркале, по-прежнему молчала.

Зато мне предлагали ехать с её бывшим женихом в крепость, где она якобы участвовала в диверсии.

Прекрасный план.

Если не думать о деталях.

А я как раз всю жизнь зарабатывала тем, что думала о деталях.

Утром меня отвели не в допросную, а в небольшую комнату на административном этаже.

Окно было одно.

Дверь тоже.

Я отметила это раньше мебели.

Потом увидела присутствующих.

Северт Ранн сидел во главе длинного стола.

Рядом устроился мой временный поверенный, имя которого я честно повторяла про себя ещё со вчерашнего дня и всё равно боялась потерять среди десятка других новых имён.

Каэр стоял возле окна.

Иара у двери.

На столе лежал документ.

Толстый.

Очень толстый.

Я остановилась.

– Нет.

Северт поднял голову.

– Вы ещё не прочли.

– Именно поэтому пока нет.

Поверенный кашлянул в кулак.

Каэр даже не повернулся от окна.

– Садитесь, леди Астен, – сказал Северт.

Я села.

Документ придвинули ко мне.

Строки были написаны знакомыми незнакомыми знаками.

Вот к чему я тоже никак не могла привыкнуть.

Я не знала этого алфавита.

Вера Соколова никогда его не учила.

А глаза читали.

Будто дорожный знак или меню.

Не приходилось мысленно складывать буквы. Значение приходило сразу.

«Соглашение о гарантии и охраняемом пребывании».

Ниже стояли моё имя и имя Каэра.

Мне снова стало не по себе.

Не от текста.

От собственного мозга.

– Можно бумагу? – спросила я.

Поверенный протянул чистый лист.

– И перо.

Он подал и его.

Я взяла.

И замерла.

Я никогда не писала пером.

Рука, похоже, была другого мнения.

Пальцы сами легли правильно. Я коснулась кончиком чернильницы, сняла лишнюю каплю о край и написала:

«Гарантия».

Красивым, чуть наклонным почерком.

Я смотрела на слово.

Рука Лиоры знала, как это делать.

Я нет.

Под кожей прошёл неприятный холод.

– Что-то случилось? – спросил Северт.

Я подняла глаза.

Каэр уже смотрел на лист.

– Нет.

Ложь получилась почти убедительной.

Я приписала ниже:

«Охрана».

Потом:

«Деньги».

Почерк оставался чужим.

Изящным.

Уверенным.

Я чуть сильнее сжала перо.

Лиора могла лгать Каэру.

Могла тайком ходить в закрытые архивы.

Могла копировать документы.

Но она умела писать этой рукой.

Жила в этом теле.

Училась.

Сердилась.

Наверняка сидела когда-то за похожим столом.

Теперь её движения служили мне.

Я отложила перо.

Не сейчас.

Очередное «не сейчас».

– Начнём, – сказала я.

Северт кивнул.

– Документ позволяет лорду Вейрану принять на себя официальную ответственность за ваше пребывание вне установленной сейчас территории Тейрана.

– Что именно означает «ответственность»?

Каэр ответил:

– Вы обязуетесь соблюдать ограничения суда. Я обеспечиваю вашу явку по требованию следствия, безопасность и место проживания.

– Где?

– Вейрхольм.

– Это я уже слышала.

Я перевернула первую страницу.

– Кто решает, где именно я там живу?

– Я.

Я подняла взгляд.

– Уже плохо.

Поверенный кашлянул снова.

Мне начинало казаться, что это его основной способ участия в переговорах.

Каэр спокойно продолжил:

– Я отвечаю за вашу безопасность. Размещение относится к безопасности.

– А если вы решите, что безопаснее всего держать меня в комнате без окон?

– Не решу.

– Почему я должна строить договор на вашем хорошем

характере?

В его лице ничего не изменилось.

– Не должны.

Вот этого ответа я не ожидала.

Каэр подошёл к столу и сел напротив.

– Поэтому существует письменное соглашение.

Я несколько секунд смотрела на него.

– Вы действительно это сказали?

– Что именно?

– Что я не обязана вам верить.

– Вы меня не знаете.

– Лиора знала.

В комнате стало тише.

Ошибка была намеренной.

Я хотела увидеть реакцию.

Каэр выдержал мой взгляд.

– Лиора знала меня достаточно хорошо.

– И всё равно солгала.

– Да.

Ни тени удовольствия.

Только факт.

Я первой опустила глаза к договору.

– Тогда тем более будем писать всё.

– Пишите.

Северт слегка откинулся в кресле.

Кажется, решил не мешать.

Я прочла первый раздел.

Медленно.

Дважды.

Некоторые юридические термины я понимала хуже обычных слов. Видимо, чудо чужого языка имело границы. Значение общего текста схватывалось, но редкая правовая формулировка оставляла ощущение, будто я читаю русский договор через плохой автоматический перевод.

Приходилось задавать вопросы.

Много.

– «Защитные ограничения определяются гарантом исходя из текущей угрозы». Нет.

Каэр посмотрел на строку.

– Почему?

– Потому что эта фраза означает всё что угодно.

– Она означает, что при угрозе я могу изменить охрану.

– И запретить мне выходить из комнаты.

– Если снаружи стоят убийцы, да.

– А если вам просто покажется, что они стоят?

– Тогда я всё равно обязан учитывать риск.

Я положила ладонь на страницу.

– Вот именно это мне не подходит.

Каэр чуть подался назад.

– Предлагайте.

Я ожидала спора.

Получила переговоры.

Это сбивало сильнее.

– Ограничения суда я соблюдаю, – сказала я. – Их определяет суд, не вы.

– Согласен.

– Охрану можете усиливать.

– В разумных пределах.

– Нет. Не «разумных». Это опять слово, которое каждый понимает по-своему. Усиливать охрану можете. Мои судебные ограничения менять не можете.

Северт заговорил:

– Это соответствует закону. Гарант обеспечивает соблюдение уже установленных ограничений, но не создаёт новые как наказание.

– Запишите именно так.

Поверенный наконец перестал кашлять и потянул к себе лист.

Каэр спросил:

– А если возникает непосредственная угроза?

Я вспомнила болт.

Тёмный наконечник.

«Несколько минут».

Пальцы невольно сжались.

– Тогда вы можете вывести меня из опасного места.

– Даже против вашего желания?

Мне не понравился вопрос.

Потому что ответ был очевиден.

Если потолок горит, долго обсуждать добровольность эвакуации довольно глупо.

– Если опасность непосредственная, – сказала я. – Не предполагаемая.

– Это придётся определять на месте.

– Да.

– Мне.

Я прищурилась.

– Не наслаждайтесь.

– Я констатирую.

– Вот и констатируйте молча.

На лице Северта мелькнуло нечто подозрительно близкое к улыбке.

Каэр посмотрел на него.

Дознаватель немедленно вернул обычное выражение.

Я перешла к следующему разделу.

– Переписка.

– Что с ней? – спросил Каэр.

– Здесь написано, что поступающие сообщения могут проверяться охраной.

– Потому что через письмо можно передать угрозу, яд или магический предмет.

Последнее я добавила в список вещей, о которых хотелось узнать подробнее.

Не сейчас.

– Письма моему поверенному?

– Нет, – сказал Северт. – Переписка с защитником не задерживается гарантом.

– Вам?

– Я являюсь дознавателем, леди Астен, а не вашим другом по переписке.

– Значит, вам тоже буду писать особенно много.

– Я уже начал сожалеть о гарантии лорда Вейрана.

– Поздно.

Каэр перевёл взгляд с него на меня.

– Вы собираетесь регулярно жаловаться Ранну на меня?

– Пока не знаю. Постарайтесь вести себя хорошо.

В комнате на секунду повисла тишина.

Иара у двери кашлянула.

Очень тихо.

Я повернулась.

Её лицо было совершенно невозмутимым.

Нет, показалось.

Вернулась к документу.

– Деньги.

Поверенный придвинул отдельный лист.

– Часть личных счетов леди Астен доступна уже сейчас.

Средства, непосредственно проверяемые по делу, остаются под временным ограничением.

– Гарант получает доступ к остальным?

– Нет.

– Может распоряжаться?

– Нет.

– Блокировать?

– Нет, если нет отдельного постановления суда.

Я посмотрела на Каэра.

– Возражения?

– Никаких.

– Даже не будете спрашивать, зачем мне деньги?

– Вчера уже спросил.

– И?

– Вы ответили.

Свобода без денег имеет теоретический характер.

Я запомнила, что он запомнил.

Не понравилось, насколько это было приятно.

Совсем немного.

И совершенно не вовремя.

– Хорошо. Следующее.

Я читала.

Спрашивала.

Вычёркивала.

Возвращала формулировки.

Каэр спорил только там, где считал условие действительно опасным.

Не громко.

Не давил титулом.

Не говорил «потому что я приказал».

Он объяснял.

Иногда меня убеждал.

Один раз я убедила его.

Потом ещё раз.

На третьем часу я поняла, что проблема стала неожиданно сложнее.

Вчера Каэра было удобно не любить.

Он был мужчиной, который публично отвернулся от Лилоры в худший момент её жизни.

Человеком, чьё слово помогло превратить подозрение почти в приговор.

Драконом, который хотел забрать меня под свою ответственность.

Очень удобный набор для неприязни.

Но человек напротив не пытался превратить договор в ловушку.

Он позволял мне читать каждую строчку.

Соглашался менять то, что действительно давало ему лишнюю власть.

Отказывался только там, где мог назвать конкретную причину.

Проблемы, которые не помещались в одну колонку, я ненавидела по-прежнему.

– Осталось место проживания, – сказал поверенный.

Я посмотрела на Каэра.

– Вейрхольм большой?

– Да.

– Насколько?

– Достаточно.

– Это не единица измерения.

– Крепость, резиденция, военный штаб, склады, госпиталь, административная часть и город вокруг.

Я моргнула.

Почему-то до этого представляла замок.

Башни.

Скалу.

Дракона на крыше.

Мозг отчаянно собирал клише из того, что имел.

– То есть это город.

– Да.

– И я не обязана жить в вашей спальне, башне или подвале?

Северт закрыл глаза.

Иара отвернулась.

Каэр смотрел на меня совершенно спокойно.

– Нет.

– Отлично. Очень продуктивный пункт.

– Могу записать отдельно.

– Не провоцируйте.

Теперь он точно почти улыбнулся.

Только уголком рта.

И опять это исчезло слишком быстро.

Я опустила глаза.

Не надо.

Мы находились на слишком ранней стадии знакомства для того, чтобы замечать, как меняется его лицо.

Особенно учитывая, что для него знакомство началось десять месяцев назад.

Вот это я постоянно забывала.

Для меня Каэр был незнакомцем.

Для него моё лицо принадлежало женщине, которую он знал достаточно хорошо, чтобы замечать разницу в каждом втором предложении.

– Где я буду жить? – спросила я.

– В гостевой части резиденции.

– Охрана снаружи?

– Да.

– Внутри?

– В общих помещениях по необходимости.

– Моя комната?

– Нет, если нет непосредственной угрозы.

Я подняла взгляд.

– Это уже было в первоначальном варианте?

– Нет.

– Тогда почему соглашаетесь?

Он некоторое время молчал.

– Потому что вы правы.

Я не сразу нашла ответ.

Наверное, лицо меня выдало.

Каэр слегка приподнял бровь.

– Это настолько неожиданно?

– От вас?

– Мы знакомы десять месяцев.

Вот оно.

Прямо в самое неприятное место.

– Вы знакомы с Лиорой десять месяцев, – сказала я раньше, чем успела остановиться.

Тишина.

Мгновенная.

Северт очень медленно поднял голову от текста.

Поверенный перестал двигать перо.

Иара посмотрела на меня.

Каэр не шевельнулся.

Я услышала собственное дыхание.

Чёрт.

– Что вы сказали? – спросил он.

Отступить было нельзя.

Но и правду говорить нельзя.

Пока.

Я не знала, что здесь делали с женщинами, заявлявшими, что в чужое тело вселилась душа из другого мира.

Особенно если женщина проходила по делу о государственной измене.

– Вы знакомы с Лиорой, которую помните, – сказала я. – Я её не помню. Для меня ваши десять месяцев не существуют.

Это было правдой.

Не всей.

Каэр продолжал смотреть.

– Вы снова говорите о себе как о другом человеке.

– Потому что мне рассказывают о поступках, которых я не помню.

– Вчера вы сказали, что вам приходится быть женщиной, которой была Лиора.

Я замерла.

Он запомнил и это.

Конечно запомнил.

– Я плохо выбираю слова после покушений.

– А до покушения?

– Судя по вашему рассказу, тоже.

Северт положил ладонь на стол.

– Если мы закончили исследование лингвистических странностей леди Астен, предлагаю вернуться к соглашению.

Я чуть не выдохнула вслух.

Каэр посмотрел на него.

Потом на меня.

И позволил разговору уйти.

Но не забыл.

Это я поняла сразу.

Каэр Вейран вообще производил впечатление мужчины, который складывает чужие несоответствия в отдельный внутренний архив.

Возможно, поэтому Лиора и проиграла ему свою ложь.
Мы дошли до последней страницы ближе к полудню.
Документ стал тоньше не физически, но гораздо понятнее.

Судебные ограничения оставались.
Я не могла просто исчезнуть.
Должна была являться по требованию следствия.
Каэр становился гарантом моего пребывания в Вейрхольме и безопасности.

Он не становился судьёй.
Не распоряжался моими деньгами.
Не получал права наказывать меня.
Я сохраняла доступ к поверенному и возможность обращаться к Севарту.

Границы охраны были записаны.
Все действующие ограничения должны были быть мне известны.

Не свобода.
Но уже не личная власть одного дракона.
Я могла с этим жить.
Во всяком случае, дольше, чем с арбалетным болтом в шее.

– Теперь подпись, – сказал поверенный.
Я посмотрела на нижнюю часть листа.
Три места.
Гарант.

Лицо под гарантией.

Представитель следствия.

Каэр взял перо первым.

Подписал быстро.

Почерк оказался неожиданно чётким и строгим.

«Каэр Вейран».

Северт поставил свою подпись следом.

Перо передали мне.

Я взяла его.

На мгновение вернулось утреннее ощущение.

Чужие пальцы.

Чужой навыв.

Чужое имя.

Я посмотрела на строчку:

«Лиора Астен».

Чтобы соглашение имело силу, подписать должна была именно она.

Юридически.

Телесно.

Для этого мира.

Я не могла написать «Вера Соколова».

Этого человека здесь не существовало.

Моё старое имя не имело имущества.

Не имело права на защиту.

Не имело даже доказательства, что когда-либо принадлежало живой женщине.

А имя Лиоры имело всё.

Включая обвинение в измене.

Мне стало трудно дышать.

– Леди Астен? – спросил поверенный.

– Всё нормально.

Неправда.

Я поставила перо на бумагу.

И рука двинулась сама.

Л.

И.

О.

Р.

А.

Нет, не эти буквы.

Местные.

Но я знала, что написала именно это.

Лиора Астен.

Роспись получилась сложной.

С красивым длинным окончанием.

Я никогда прежде её не видела.

И всё же выполнила без единой остановки.

Каэр застыл.

Я заметила это сразу.

Слишком резко.

– Что?

Он смотрел на подпись.

Не на меня.

– Вы её помните?

– Кого?

– Подпись.

Я опустила взгляд.

– Нет.

– Тогда откуда...

Он не договорил.

Хороший вопрос.

Очень хороший.

Я сама хотела знать ответ.

Северт придвинул лист к себе и сравнил мою подпись с чем-то в папке.

Его лицо стало внимательнее.

– Практически идентична прежней.

У меня пересохло во рту.

Тело помнило то, чего не помнила я.

Каэр медленно поднял глаза.

– Вы не помните моего имени, но помните, как Лиора подписывала документы.

– Я ничего не помню. Рука сделала сама.

– Рука.

– Хотите другой ответ? У меня его нет.

Он продолжал смотреть.

Я почувствовала раздражение.

На него.

На себя.

На Лиору.

На всё это невозможное место.

– Вчера я узнала, что умею читать ваш язык, хотя не помню, чтобы его учила. Сегодня выяснила, что могу писать. Возможно, завтра обнаружу талант к игре на арфе. Если это произойдёт, обещаю сообщить.

Северт неожиданно сказал:

– После серьёзного повреждения магического узора автоматические навыки иногда сохраняются при нарушении личной памяти.

Я повернулась к нему.

– Это нормально?

– Нормально не то слово, которое я бы использовал применительно к вашему случаю.

– Очень обнадеживает.

– Но возможно.

Каэр всё ещё не выглядел убеждённым.

Зато я впервые получила хотя бы слабое объяснение.

Автоматический навык.

Как человек после травмы мог забыть часть жизни, но не разучиться пользоваться ложкой.

Только моя проблема явно была несколько шире.

Я положила перо.

– Я подписала.

– Да, – сказал Северт.

– Значит, теперь лорд Вейран мой гарант.

– С этого момента.

Я посмотрела на Каэра.

– Поздравляю.

– С чем?

– Получили проблему, которую сами попросили.

– Я имел время оценить масштаб.

– Всего два дня.

– Я знаком с основой дольше.

Опять Лиора.

Я поморщилась.

Он заметил.

– Что?

– Ничего.

– Вы плохо лжёте.

Я посмотрела на него.

– Забавно слышать это от человека, которому другая женщина с моим лицом, по вашим словам, лгала постоянно.

В его взгляде погасла почти возникшая ирония.

Слишком точно.

Я пожалела.

Не потому, что он не заслуживал неприятного напоминания.

Потому что использовала Лиору как оружие, почти ничего о ней не зная.

– Неважно, – сказала я.

Каэр ничего не ответил.

Северт сложил подписанные листы.

– Завтра утром вы выезжаете из Тейрана.

Вот и всё.

Несколько слов.

И моя новая жизнь снова сдвинулась с места.

– Сколько ехать?

– При нормальной погоде чуть больше недели, – сказал

Каэр.

Неделя.

С ним.

С охраной.

Через незнакомую страну.

В крепость, где погибло трое людей и где почти наверняка
знали лицо Лиоры лучше, чем хотелось бы.

– По дороге остановки?

– Будут.

– Я узнаю маршрут?

– Частично.

Я сразу нахмурилась.

– Мы только что подписали...

– После вчерашнего покушения полный маршрут заранее
будет знать ограниченное число людей.

Я закрыла рот.

Аргумент был неприятно разумным.

– Хорошо. Частично.

– Вы быстро учитесь.

– Не привыкайте.

Северт поднялся.

– Сегодня вам вернут часть личных вещей. Остальное остаётся при материалах дела.

– Каких вещей?

– Одежда. Несколько книг. Письма, не относящиеся к расследованию. Личные мелочи.

Я замерла.

Письма.

Лиоры.

Впервые появилась возможность получить не официальный протокол о ней.

Не мнение Каэра.

Не обвинение.

Что-то её.

– Я могу их читать?

– Это ваша переписка.

Формально.

Я кивнула.

– Хочу получить сегодня.

– Получите.

Поверенный начал собираться.

Иара открыла дверь.

Я тоже встала.

Каэр остался сидеть.

– Ещё что-то? – спросила я.

– Да.

По тону я поняла, что сейчас будет неприятно.

– До отъезда вы не покидаете эту часть комплекса без Иары или назначенного ею сопровождения.

– Это в договоре?

– Это действующая мера охраны до выезда.

Я посмотрела на Северта.

Он кивнул.

– После вчерашнего покушения я согласовал усиленную защиту.

Не личный приказ Каэра.

Ладно.

– Хорошо.

Каэр поднялся.

– Вы даже не спорите.

– Не путайте любовь к свободе с отсутствием инстинкта самосохранения.

– Не буду.

Мы вышли в коридор.

Он шёл рядом.

Иара впереди.

Два охранника позади.

Я ощущала себя одновременно важной персоной и особо опасной посылкой.

– Лорд Вейран.

– Да?

– Один вопрос.

– Слушаю.

– Если я нарушу соглашение?

– Зависит от нарушения.

– Допустим, попробую сбежать.

Он посмотрел на меня.

– Собираетесь?

– Проверяю условия.

– Суд может отменить гарантию и вернуть вас под более

строгий надзор.

– А вы?

– Я должен буду сообщить Ранну.

– И поймать меня?

– Если побег подвергнет вас непосредственной опасности,

скорее всего.

– Но наказать не сможете.

– Нет.

– Запереть после возвращения по собственному реше-

нию?

– Нет.

Я кивнула.

– Тогда договор действительно неплохой.

– Вы ожидали другого?

– Я ожидала, что вы попытаетесь получить как можно

больше контроля.

Каэр остановился.

Пришлось остановиться тоже.

Иара обернулась, но не вмешалась.

– Я и хочу получить достаточно контроля, чтобы вы остались живы, – сказал он.

Вот.

Не изменился.

Просто способен обсуждать границы.

– А я хочу остаться живой и при этом не стать вашей собственностью.

Его лицо стало жёстче.

– Я никогда не считал Лиору своей собственностью.

– Хорошо.

– Это не комплимент.

– Я знаю.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он произнёс:

– Вы действительно изменились.

Не вопрос.

Я почувствовала, как по спине прошёл холод.

– После того, что со мной произошло, было бы странно остаться прежней.

– Возможно.

Слово прозвучало спокойно.

Но он мне не поверил.

Я уже знала этот взгляд.

Каэр не спорил.

Он складывал факты.

И однажды обязательно задаст вопрос, на который половиной правды уже не ответишь.

Мы дошли до моей комнаты.

Возле двери стоял служащий с небольшим сундуком.

– Личные вещи леди Астен, – сообщил он.

Иара проверила печать.

Кивнула.

Сундук внесли внутрь.

Я остановилась на пороге.

Каэр собирался уйти.

– Каэр.

Он повернулся.

Имя сорвалось легче, чем вчера.

Мне это не понравилось.

– Завтра утром?

– На рассвете.

– Я ненавижу рассвет.

– Лиора тоже.

Мы оба замолчали.

Фраза оказалась слишком личной.

Слишком простой.

Впервые он сказал о Лиоре не как о подозреваемой.

Не как о женщине, которая солгала.

А как о человеке, который не любил рано вставать.

Что-то неприятно сжалось под рёбрами.

– Значит, хоть что-то у нас общее, – сказала я.

Каэр посмотрел на меня странно.

– Значительно больше, чем вы думаете.

И ушёл.

Я закрыла дверь.

Сундук стоял на столе.

Несколько секунд я просто смотрела.

Потом сняла крышку.

Сверху лежал сложенный тёмный платок.

Под ним перчатки.

Небольшая книга.

Футляр с украшением.

И пачка писем, перевязанная тонким шнуром.

Я взяла верхнее.

На лицевой стороне было написано:

«Лиоре Астен».

Почерк незнакомый.

Внутри конверта лежал один лист.

Я развернула.

Прочла первую строку.

И перестала дышать.

«Если ты всё-таки решила проверить номера северных партий, не доверяй официальным копиям».

Подписи не было.

Глава 5. Семь дней с бывшим женихом

Письмо я перечитала пять раз.

Результат не изменился.

«Если ты всё-таки решила проверить номера северных партий, не доверяй официальным копиям».

Дальше шли всего три строки.

Без имени отправителя.

Без объяснений.

Без удобной приписки: «А ещё, Лиора, тебя собираются подставить в государственной диверсии, поэтому сделай одолжение и сохрани доказательства в папке с понятной надписью».

Только несколько номеров, дата и короткая фраза:

«Сравни исходные записи с тем, что пришло в Вейрхольм».

Я сидела на краю кровати, пока за окном серел рассвет, и смотрела на лист.

Номера ничего мне не говорили.

Дата тоже.

Но одно я понимала слишком хорошо.

Лиора действительно копалась в поставках.

Не просто случайно оказалась возле документов, которые

потом использовали против неё.

Кто-то знал о её проверке.

Кто-то советовал не доверять официальным копиям.

И этот кто-то не подписался.

В обычной жизни я бы начала с простого.

Кто имел доступ к исходным данным?

Кто формировал копию?

Через чьи руки проходил документ?

Где менялся номер партии?

Кто выигрывал от расхождения?

Здесь список начинался с другого вопроса:

кому вообще можно показать письмо, не ускорив третью попытку меня убить?

Я сложила лист.

Потом развернула.

Потом снова сложила.

Очень хотелось спрятать его так, чтобы никто не нашёл.

И это желание мне не понравилось.

Лиора тоже прятала информацию.

Результат лежал передо мной в виде обвинения, разрушенной помолвки и двух попыток её убить.

Я не собиралась повторять чужие ошибки только потому, что они казались разумными в первые пять минут.

Но и бежать к Каэру с первым клочком бумаги было рано.

Он считал доказательства против Лиоры серьёзными.

Я ещё не знала, кем был отправитель.

Письмо могло оказаться:
предупреждением;
ловушкой;
частью чужой игры;
или обычной хозяйственной запиской, смысл которой я
раздула из-за недостатка сна.

Поэтому я сделала то, что умела лучше всего.

Запомнила номера.

Все три.

После чего убрала письмо обратно в пачку, не меняя порядка остальных.

Если кто-то проверит мои вещи, я хотя бы узнаю это по нарушенной последовательности.

Мелочь.

Но пока у меня были только мелочи.

В дверь постучали.

– Войдите.

Иара заглянула внутрь уже полностью собранная в дорогу.

– Через четверть часа выезжаем.

Я посмотрела на окно.

– Это рассвет?

– Почти.

– Передайте вашему кузену, что я его уже не люблю.

Она помолчала.

– Насколько я знаю, это не новость.

Я медленно повернула голову.

Иара смотрела совершенно серьёзно.

– Вы сейчас пошутили?

– Нет.

– Жаль. Было хорошо.

На этот раз уголок её рта едва заметно дрогнул.

– Пятнадцать минут, леди Астен.

– Вера.

Слово вырвалось само.

Она замерла.

Чёрт.

– Что?

– Ничего.

Иара ещё секунду смотрела на меня.

Потом закрыла дверь.

Я выдохнула.

Отлично, Вера.

Три дня в другом мире, а маскировка уже держится исключительно на чужом терпении и твоей привычке говорить быстрее, чем думать.

Я оделась.

Собрала немногочисленные вещи.

Письма оставила в сундуке, который по договору должен был ехать со мной.

Одно хотелось взять отдельно.

То самое.

Не стала.

Если нападут на дороге, таскать потенциально важную бумагу при себе было не умнее, чем прикалывать к платью табличку «ищите здесь».

Во внутреннем дворе судебного комплекса ждало две закрытые кареты и около десятка всадников.

Я остановилась на ступенях.

– Мы едем на войну?

Дален, стоявший у первой кареты, ответил:

– Нет.

– Тогда почему нас столько?

– Потому что вчера в вас стреляли.

– Справедливо.

Лошади нервно переступали по камню. Из ноздрей шёл пар. Утро оказалось холоднее августовского утра в моём мире, хотя солнце только начинало подниматься над крышами Тейрана.

Каэр стоял возле группы военных и разговаривал с мужчиной в дорожном плаще.

Не торопился.

Не оглядывался каждые три секунды, проверяя, появилась ли я.

Люди сами подходили к нему.

Докладывали.

Получали ответ.

Уходили.

Вчера за столом переговоров он был неприятно разумным

бывшим женихом.

Сегодня впервые выглядел маршалом.

Разница оказалась заметной.

Один из всадников протянул ему лист.

Каэр прочитал, задал два коротких вопроса, подозвал другого человека и что-то приказал. Ни повышенного голоса, ни театральной властности.

Через полминуты трое военных уже пересели на других лошадей.

Я невольно проследила за ними.

– Что произошло? – спросила у Иары.

– Один из мостов на северной дороге размыло ночью.

– Мы меняем маршрут?

– Нет. Меняем порядок стоянок. Мост небольшой, проедем через соседнюю переправу.

Я посмотрела на Каэра.

Он уже обсуждал что-то другое.

– Он сам занимается такими вещами?

Иара повернула голову.

– Какими?

– Мостами.

– Он занимается тем, что влияет на движение его отряда.

– Это не совсем одно и то же.

Она чуть прищурилась.

– А что вы ожидали?

Я честно подумала.

Дракона.

Властного.

Опасного.

Очень влиятельного.

Склонного решать за окружающих.

Почему-то в моей голове всё это плохо сочеталось с человеком, который перед дорогой уточняет состояние моста.

– Ничего, – сказала я. – Поэтому и спрашиваю.

Каэр наконец заметил меня.

Подошёл.

– Доброе утро.

– Вы используете это выражение слишком свободно.

Он посмотрел на небо.

– Дожда нет.

– Арбалетчиков тоже?

– Пока.

– Тогда действительно праздник.

Каэр задержал на мне взгляд.

– Вы спали?

– Частями.

– Почему?

– Ваш мир пока не располагает.

– Мой?

Проклятье.

Я улыбнулась.

– Ваш в смысле северный. У меня слишком много нового.

Он не стал спорить.

Но взгляд стал тем самым.

Собирающим.

Я уже знала его.

Каэр не ловил меня на одной оговорке.

Он складывал их.

Это беспокоило.

– В какой карете я еду?

– В первой.

– С кем?

– Первую часть дороги с Иарой.

Я почему-то испытала облегчение.

Каэр заметил.

Разумеется.

– Разочарованы?

– Наоборот.

– Это я понял.

– Тогда зачем спрашивать?

– Хотел услышать формулировку.

– Вы удивительно любите лишнюю работу.

Он открыл дверцу кареты.

– Вы ещё не видели мою обычную.

Я замерла на ступеньке.

Что-то в его голосе изменилось.

Едва заметно.

Не флирт.

Не тепло.

Просто сухая человеческая ирония.

Такая естественная, что на секунду я забыла, кем он приходился Лиоре.

Потом вспомнила.

И села внутрь.

Первые часы дороги я смотрела в окно.

Тейран уходил медленно.

Каменные дома стали ниже.

Исчезли башни.

Потом городские стены остались позади, и вместо них появились поля, небольшие усадьбы, деревни, сады.

Мир перестал выглядеть декорацией.

Он жил.

Люди везли на рынок корзины.

Мужчина чинил колесо телеги.

Две женщины спорили у колодца.

Ребёнок, увидев всадников Вейранов, бросил палку и помчался к дороге.

Ничего сказочного.

Если не считать того, что где-то среди этих людей существовали настоящие драконы и магические контуры.

Наверное, к невозможному действительно можно привыкнуть, если оно достаточно занято обычными делами.

Иара сидела напротив.

Она умела молчать так профессионально, что через час я

сдалась.

- Можно задавать вопросы?
- Вы всё равно будете.
- Вы начинаете меня понимать.
- В этом и заключается моя работа.
- Нет. Ваша работа, насколько я поняла, не дать меня убить.

– Сейчас эти задачи частично совпадают.

Я посмотрела на неё.

- Каэр тоже считает мои вопросы подозрительными?
- Спросите Каэра.
- Я спрашиваю вас.
- Поэтому не отвечу за него.

Хорошо обучены.

Все.

- Тогда о мире.
- Что именно?

Вот тут стало сложно.

Я не могла спросить:

«Расскажите, пожалуйста, базовое устройство государства, потому что три дня назад жила в Москве».

Нужно было выбирать вопросы, которые человек после тяжёлой магической травмы мог задавать, не вызывая желания немедленно вернуть его врачам.

- Сколько у нас Великих драконьих домов?
- Семь.

Я кивнула, будто просто проверяла собственную память.

– Вейраны отвечают только за Север?

– Дом Вейран несёт обязательства по Северному рубежу, дорогам, крепостям и части стратегических запасов.

– Каэр получил должность маршала по наследству?

Иара посмотрела внимательнее.

– Нет.

– Корона назначает?

– Да.

– Может снять?

– Разумеется.

Полезно.

– А главой дома он останется?

– Если не откажется сам или не возникнет законного основания для смены главы.

– То есть у него две власти. Родовая и государственная.

– Лиора это прекрасно знала.

Вот и первый укол.

Спокойный.

Без злобы.

Я выдержала.

– Сейчас я знаю хуже.

– Это заметно.

– Спасибо за поддержку.

– Вы спросили.

Мне начинала нравиться Иара.

Против моей воли.

– А дом Астен?

– Что именно?

– Чем зарабатывает.

Её брови слегка сошлись.

Слишком странный вопрос.

Нужно было поправить.

– Я помню отдельные вещи. Общей картины почти нет.

Полуправда.

Иара кивнула не сразу.

– Торговля. Склады. Речные перевозки. Земельные владения. Поставки.

Я замолчала.

Вот это уже было интересно.

Лиора родилась в семье, связанной с логистикой.

И сама полезла проверять номера партий.

Совпадение переставало выглядеть случайным.

– Поэтому наш брак был выгоден обеим сторонам.

– Ваша помолвка, – поправила Иара.

– Бывшая.

– Да.

– А вы были против?

Она посмотрела в окно.

– Это имеет значение?

– Для меня имеет.

– Почему?

– Потому что я пытаюсь понять людей, среди которых собираюсь жить.

Иара повернулась ко мне.

– Не вернуть то, что было?

– Что именно?

– Положение будущей леди Вейран.

Я откинулась на спинку.

– Вы все серьёзно считаете, что после всего произошедшего первая моя цель должна быть вернуть мужчину?

– Прежняя Лиора считала этот союз важным.

– Это не ответ.

– Нет. Не все.

– Вы?

– Я считала союз политически разумным.

– Какая страсть.

– Для оценки договора страсть не требуется.

– И почему вы мне нравитесь всё больше?

На этот раз она действительно улыбнулась.

Совсем немного.

– Это последствия повреждения узора.

Я засмеялась.

И впервые за эти дни смех не пришлось выдавливать.

Он просто случился.

Наверное, именно поэтому я не сразу заметила, как Иара снова стала серьёзной.

– Я не считала вас виновной до расследования.

Смех исчез.

– А потом?

– Потом погибли трое.

Дален.

Его товарищ.

Тихая соль.

Архив.

– И доказательства показались убедительными.

– Да.

– Каэр тоже так сказал.

– Потому что они были убедительными.

Я посмотрела на поля за окном.

– А если окажутся неправильными?

– Факты не обязательно неправильные. Может оказаться неправильным вывод.

Я резко повернулась.

Иара нахмурилась.

– Что?

– Ничего.

Просто это была очень важная разница.

И впервые её сформулировал не я.

– Вы допускаете, что Лиора могла быть невиновна?

– Я допускаю, что расследование не завершено.

– Вы всегда так осторожно разговариваете?

– Когда речь идёт о государственной измене, стараюсь.

Справедливо.

На первой стоянке мы остановились у небольшого дорожного двора.

Я ожидала, что Каэр первым зайдёт внутрь, сядет за лучший стол и начнёт принимать еду как естественное приложение к титулу.

Вместо этого он сначала обошёл двор вместе с Иарой.

Проверил смену лошадей.

Выслушал человека, отвечавшего за охрану.

Потом долго разговаривал с хозяином о дороге впереди.

Я стояла возле кареты и наблюдала.

Дален заметил.

– Что?

– Ничего.

– Вы уже несколько минут смотрите на лорда Вейрана.

– Не волнуйтесь. Я не собираюсь возвращать помолвку.

Он неожиданно покраснел.

Совсем чуть-чуть.

Я получила мстительное удовольствие.

– Я этого не говорил.

– Зато подумали.

– Я думал, что вы пытаетесь понять его решения.

Теперь настала моя очередь удивляться.

– И?

– Поняли?

Я снова посмотрела на Каэра.

Он указал на одну из телег, потом на ворота. Двое его лю-

дей сразу ушли выполнять.

– Он проверяет всё лично?

– Нет.

– А выглядит так, будто да.

– Он проверяет то, что считает критическим.

– Чем тогда занимаются остальные?

Дален ответил без раздражения:

– Своей работой.

Хорошо.

– Например, вы?

– Сейчас слежу, чтобы вы не ушли за пределы двора без сопровождения.

– Очень ответственная должность.

– После вчерашнего?

Я перестала улыбаться.

– После вчерашнего да.

Он кивнул.

Без торжества.

Мне стало немного стыдно.

Только немного.

За обедом Каэр сел напротив меня.

Не рядом.

Понравилось.

Перед нами поставили густой суп, хлеб, запечённое мясо и что-то похожее на тушёные корнеплоды.

Я попробовала суп.

Вкусно.

Мозг почти обрадовался знакомому бытовому удовольствию.

– Что? – спросил Каэр.

Я подняла глаза.

– Что что?

– Вы выглядите удивлённой.

– Еда вкусная.

– И это удивительно?

– В моей жизни бывало по-разному.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

– Вы всегда так отвечали на простой вопрос?

Проклятье.

– А Лиора?

– Она бы сказала, нравится ей суп или нет.

– Тогда давайте считать, что теперь я сложнее отношусь к супу.

Каэр отложил ложку.

– Не к супу.

Я замерла.

Иара за соседним столом не повернула головы.

Но я была уверена, что слышит.

– Что вы хотите спросить?

– Пока ничего.

– Неправда.

– Вы стали задавать вопросы иначе.

Вот.

Пришли.

– Потеря памяти.

– Нет.

– Вы специалист?

– По вам в течение десяти месяцев у меня накопился определённый опыт.

– Очень лестно.

– Лиора спрашивала о людях.

– Я тоже.

– Она спрашивала, кто занимает должность, кому принадлежит право, какие отношения связывают дома.

– А я?

Каэр посмотрел прямо.

– Вы спрашиваете, кто принимает решение на самом деле.

Мне стало холоднее, хотя в помещении горел очаг.

– Это плохо?

– Это иначе.

– Удобное слово.

– Точное.

Я взяла кружку.

– Допустим, после обвинения я стала практичнее.

– За шесть дней?

– Люди меняются и быстрее.

– Иногда.

Он не давил.

Не обвинял.

От этого разговор становился неприятнее.

– Что ещё? – спросила я сама.

Каэр несколько секунд молчал.

– Вам почти безразлично, что о вас думают окружающие.

– Неправда.

– По сравнению с Лиорой.

– Возможно, мне сейчас есть о чём беспокоиться кроме

светских сплетен.

– Для Лиоры общественное мнение никогда не было только сплетнями.

Я вспомнила разорванную помолвку.

Друзей, которые отступили.

Отца, который не забрал дочь из судебного комплекса.

– Потому что от репутации зависело слишком многое.

– Да.

– Тогда она была права.

Он чуть прищурился.

– Что?

– Заботиться о репутации. Если здесь одно ваше заявление способно лишить человека половины поддержки, игнорировать мнение общества было бы глупо.

Что-то изменилось в его лице.

– Вы не защищаете её.

– А должна?

– Раньше защищали себя.

– Я не знаю, виновна она или нет.

– Вы говорите о Лиоре так, будто она посторонняя.

Я поставила кружку.

– Для меня большая часть её жизни именно такая.

Каэр не отвёл взгляда.

– И всё же вы носите её лицо.

– Я заметила.

Ответ вышел резче, чем хотелось.

Он замолчал.

Я тоже.

Потом Каэр сказал:

– Я не пытаюсь вас оскорбить.

– А я не пытаюсь быть загадочной.

– Тогда кто вы?

Слишком рано.

Слишком прямо.

Я почувствовала, как пальцы на кружке напряглись.

– Женщина с повреждённой памятью, которую дважды пытались убить.

– Это описание положения.

– Пока мне хватает.

Он некоторое время смотрел.

Потом вернулся к еде.

Разговор закончился.

Но я знала, что он не поверил.

И впервые его подозрение показалось мне не раздражаю-

щим, а опасным.

Потому что он был прав.

Я действительно была не Лиорой.

И если продолжу задавать вопросы так, как привыкла, однажды он перестанет объяснять различия травмой.

К вечеру второго дня дорога стала хуже.

Карету трясло.

Я пересела верхом только потому, что ещё час внутри грозил превратить мой позвоночник в отдельный следственный материал.

Оказалось, тело Лиоры умело ездить.

Не идеально.

Но достаточно уверенно.

Очередной автоматический навык.

Я старалась не думать о том, сколько ещё её умений прячется в мышцах без единого воспоминания.

Каэр ехал впереди.

Не рядом со мной.

Он несколько раз менял порядок отряда.

Отправлял двоих всадников вперёд.

Возвращал.

Проверял боковую дорогу.

На ночной стоянке первым делом спросил не про комнату для себя, а сколько входов у двора, кто менялся на карауле и откуда привезли воду.

Я слушала случайно.

Потом уже специально.

– Вы всегда столько проверяете? – спросила, когда он по-
дошёл к навесу, под которым я ждала горячую воду.

– Нет.

– Значит, из-за меня?

– Частично.

– Какая честь.

– Вы предпочли бы меньше охраны?

Я вспомнила болт.

– Нет.

– Тогда в чём проблема?

– Мне интересно, где заканчивается безопасность и начи-
нается привычка контролировать всё вокруг.

Каэр опёрся ладонью о деревянный столб.

– Вы задаёте этот вопрос как человек, который сам пыта-
ется контролировать каждую доступную деталь.

Я открыла рот.

Закрыла.

Неприятно.

– Я хотя бы контролирую свою жизнь.

– Сейчас вы проверили, кто набирал воду для всего отря-
да.

– Потому что вчера меня пытались отравить болтом.

– Я не критикую.

– Звучало именно так.

– Я отметил сходство.

Мне это совсем не понравилось.

– Между нами?

– Да.

– Не ищите.

– Я не ищу. Оно существует.

– Какое?

Он ответил сразу:

– Чем сильнее вы боитесь, тем больше вопросов задаёте.

Я застыла.

Слишком точно.

Хотелось съязвить.

Не получилось.

Каэр посмотрел на мою руку.

Я поняла, что машинально пересчитываю пальцами окна

второго этажа.

Прекратила.

– А Лиора?

Вопрос вырвался тихо.

– Что делала она, когда боялась?

Каэр перевёл взгляд на двор.

– Становилась тише.

– И вы это понимали?

– Не всегда.

Никаких красивых оправданий.

Просто признание.

– Возможно, поэтому она вам не рассказала.

Он резко посмотрел на меня.

– О чём?

– Не знаю.

– Тогда зачем сказали?

– Потому что вы спрашивали её как человек, который требует ответ, а она, по вашим словам, в страхе замыкалась.

– Я не требовал от неё признания в чувствах. Я расследовал смерть трёх людей.

– Я знаю.

– Нет. Вы знаете пересказ.

Голос оставался спокойным.

Но теперь в нём была сталь.

Я тоже выпрямилась.

– А вы знаете только то, что она вам сказала.

– И то, что доказали после.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Вы правы.

Он замолчал.

Кажется, ожидал продолжения спора.

Я пожала плечами.

– Я не была там. Значит, не имею права объяснять за Лию то, чего сама не знаю.

Каэр долго смотрел на меня.

– Вы никогда раньше не говорили так.

– Как?

– «Я не знаю».

И вот это ударило больнее, чем должно было.

Не по мне.

По женщине, которую я никогда не знала.

Что заставляло Лиору так бояться признать незнание или слабость?

Придворная жизнь?

Семья?

Будущий брак?

Сам Каэр?

Я не спросила.

Пока.

Ночью мне приснился металл.

Не авария.

Не белый фургон.

Чужие пальцы лежали на холодной пластине.

По коже ползло неприятное ощущение, словно звук, который невозможно услышать ушами.

Тишина.

Нет.

Не тишина.

Подавление.

Я проснулась резко.

Села.

Комната дорожного двора была тёмной.

За дверью слышались шаги караульного.

Голова болела.

Во рту стоял странный металлический привкус.

Я потёрла ладонь.

Ничего.

Сон.

Наверное.

Но ощущение осталось.

И ещё одно.

Номер.

Короткая последовательность цифр.

Одна из тех, что я запомнила из письма.

Я повторила её шёпотом.

Совпало.

Стало совсем неудобно.

Лиора?

Нет.

Не память.

Я уже знала, что полных воспоминаний у меня нет.

Но тело что-то делало.

Подписывало её именем.

Читало язык.

Теперь подсовывало во сне номер партии.

Я не знала, можно ли доверять этому.

Поэтому записала цифры на листе и рядом честно поставила:

«СОН».

Утром Каэр увидел бумагу.

Не потому, что рылся в моих вещах.

Я сама забыла убрать её, когда Иара постучала раньше обычного.

Он вошёл вместе с ней, пока я застёгивала дорожный плащ.

Взгляд упал на стол.

На цифры.

Остановился.

– Откуда этот номер?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Я повернулась.

– Какой?

Он подошёл к листу.

Не тронул.

– Этот.

Я посмотрела на цифры.

– Знаком?

– Ответьте.

Вот теперь маршал вытеснил бывшего жениха полностью.

– Почему?

– Потому что это номер партии северного снабжения.

Внутри всё похолодело.

Письмо.

Сон.

Металл.

Я не могла сказать про письмо.

Пока.

Но ложь сейчас была бы особенно глупой.

– Приснился.

Каэр медленно поднял взгляд.

– Что?

– Мне приснился этот номер.

– Номера партий вам снятся?

– С сегодняшней ночи, видимо.

Он смотрел так, будто решал, издеваюсь я или окончательно сошла с ума.

– Что ещё было во сне?

– Металлическая пластина.

– Какая?

– Не знаю.

– Где?

– Не знаю.

– Кто держал?

Я посмотрела на собственную ладонь.

– Я.

Каэр застыл.

Иара у двери стала внимательнее.

– Лиора, – произнёс он.

Я подняла голову.

– Я сказала всё, что знаю.

– Этот номер вам уже встречался после пробуждения?

Опасный вопрос.

Очень.

– Почему он важен?

– Я спросил первым.

– А я не обязана отвечать на всё только потому, что вы спросили первым.

Его лицо стало жёстким.

– Если это связано с диверсией...

– Тогда объясните мне связь.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Наконец Каэр произнёс:

– Партия магических проводников.

Сердце забилося быстрее.

Та самая?

Не знала.

– Использовалась в защитном контуре?

– Да.

– В повреждённом?

Он не ответил.

Этого хватило.

Я медленно подошла к столу.

– Каэр.

– Что?

– Я хочу увидеть список номеров партий, связанных с делом.

– Нет.

– Почему?

– Потому что если ваша память действительно возвращается фрагментами, я не собираюсь заранее подсказывать вам нужные ответы.

Я замолчала.

И неожиданно поняла, что он снова прав.

– Хорошо.

Каэр явно не ожидал.

– Хорошо?

– Если покажете список, я потом сама не пойму, вспомнила номер или просто узнала.

Его взгляд изменился.

Опять это удивление.

– Тогда что вы предлагаете?

– Я записываю всё, что возникает само. С датой и обстоятельствами. Вы ничего не подсказываете. Потом Северт сравнивает.

Иара повернула голову к Каэру.

Тот смотрел только на меня.

– Лиора никогда не предложила бы это.

У меня похолодели пальцы.

– Почему?

– Потому что она ненавидела отдавать кому-то контроль над собственной версией событий.

Очень знакомо.

Слишком.

Я тихо спросила:

– А я, по-вашему, что сейчас делаю?

– Строите систему, в которой ни вы, ни я не можем незаметно изменить результат.

Я улыбнулась без радости.

– Значит, учусь.

– Нет.

Он произнёс это спокойно.

– Вы не учитесь. Вы думаете иначе.

Мы оба замолчали.

Вот она, настоящая проблема.

Не забытые имена.

Не странные слова.

Не вопросы о драконах.

Он видел структуру.

Так же, как я искала структуру в поставках, Каэр искал её во мне.

И постепенно находил женщину, которой не должно было существовать.

Стук в дверь спас меня от ответа.

Дален вошёл без обычной неторопливости.

– Лорд Вейран.

Каэр сразу повернулся.

– Что?

– Следы на западной обочине.

– Какие?

– Один всадник. Держится параллельно дороге с прошлого привала. К нам не приближается.

Иара уже вышла в коридор.

Каэр спросил:

– Наш?

– Нет.

– Уверен?

– Да. Наш передовой дозор видел его дважды. Каждый раз уходит, когда пытаются сократить расстояние.

У меня пересохло во рту.

Каэр подошёл к двери.

– Меняем порядок движения. Двух назад, двух вперёд. Никого не преследовать в одиночку.

– Понял.

Дален исчез.

Я стояла возле стола.

Лист с номером партии лежал между нами.

– Каэр.

Он обернулся.

– Это просто человек на дороге?

Его взгляд был слишком спокойным.

– Возможно.

Я вспомнила, как он говорил это слово в Тейране.

Тогда оно означало первую трещину в уверенности.

Сейчас означало совсем другое.

– А возможно?

Каэр посмотрел на Иару, уже вернувшуюся с оружием на поясе.

Потом на меня.

– Возможно, нас ведут.

Глава 6. Графитовое крыло

Человек, который вёл нас, исчез до рассвета.

Не совсем исчез, конечно.

Люди Каэра нашли следы на влажной земле, примятую траву у перелеска и место, где всадник некоторое время наблюдал за постоянным двором с возвышенности. Потом след уходил на северо-запад и терялся среди старых колеи.

Самого человека не нашли.

Для Иары это означало необходимость удвоить дозоры.

Для Каэра – изменить порядок движения.

Для меня – провести остаток ночи, прислушиваясь к каждому шороху за стеной.

К утру страх успел перейти в то особое состояние, когда организм уже устал бояться и решил заменить эмоции раздражением.

Я была ему благодарна.

Раздражаться значительно удобнее.

Дорога в тот день изменилась.

Поля остались позади ещё до полудня. Местность постепенно поднималась, становилась холмистой, а затем вокруг сомкнулся лес. Не тот светлый, почти парковый, который встречался ближе к Тейрану. Здесь деревья росли теснее, стволы темнели от влаги, а под колёсами всё чаще хрустел камень.

Север приближался не табличкой на дороге.

Он постепенно менял пространство.

Воздух стал холоднее.

Запахи резче.

В лесу пахло мокрой корой, прелыми листьями и чем-то хвойным. Дорога шла между склонами, иногда поднималась достаточно высоко, чтобы за деревьями открывались далёкие серые гряды.

Я ехала верхом.

Карета двигалась за нами пустая, если не считать моего сундука и части дорожных вещей.

После двух дней тряски верховая езда неожиданно оказалась меньшим злом.

Тело Лиоры знало, что делать.

Не идеально, но достаточно, чтобы мне не приходилось каждую минуту думать, куда деть колени и почему лошадь имеет собственное мнение о скорости.

Это продолжало тревожить.

Иногда особенно сильно.

Я могла не помнить брата Лиоры.

Не помнить её отца.

Не помнить мужчину, с которым она собиралась связать жизнь.

Но стоило сесть в седло, и чужие мышцы узнавали движения раньше моей головы.

Лиора оставалась со мной не воспоминаниями.

Навыками.

Следами.

Привычками тела.

Я не знала, утешает это или пугает.

Сегодня выбрала вариант «не думать».

Он пока работал.

Каэр ехал впереди, рядом с Иарой.

За утро они несколько раз менялись местами с передовым дозором. Отряд растянулся сильнее обычного: двое военных шли далеко впереди, ещё несколько держались позади.

Я замечала это без подсказки.

Три дня назад меня бы удивило, что вообще начала различать структуру охраны.

Теперь сама считала людей.

Двое впереди.

Четверо вокруг основной группы.

Двое сзади.

Дален почти всё время оставался рядом со мной.

Не вплотную.

Но достаточно близко, чтобы любое моё внезапное желание сбежать в лес закончилось коротким разговором о здравом смысле.

– Долго до следующей остановки? – спросила я.

– Около двух часов.

– Почему «около»?

Дален бросил на меня взгляд.

– Потому что дорога.

– И?

– Может случиться грязь, сломанное колесо, поваленное дерево, чужой обоз, раненая лошадь.

– Теперь понятно.

– Вы хотите точное время?

– Я привыкла понимать, что влияет на сроки.

Он помолчал.

– Лорд Вейран говорил что-то похожее.

– Не оскорбляйте меня с утра.

Дален почти улыбнулся.

Почти.

За последние дни он стал разговаривать со мной немного легче, но граница оставалась.

Я её не трогала.

Его товарищ погиб.

Лицо женщины, которую считали причастной, сейчас улыбалось, задавало вопрос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.